

М. Феллер
КАК РОЖДАЮТСЯ И ЖИВУТ СЛОВА
МГ

М. Д. Феллер

Как рождаются и живут слова

КНИГА ДЛЯ УЧАЩИХСЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОСВЕЩЕНИЕ»
Москва 1964

ОТ АВТОРА

В этой небольшой книге рассказано о том, как возникает слово — название предмета, признака, действия и т. п., как изменяется со временем его значение и звучание, как слова сосуществуют между собой, образуя известную систему.

Приведенные в книге рассказы о судьбах слова посвящены по преимуществу таким словам, с которыми учащиеся встречаются при изучении того или иного предмета в школе, тем словам, которыми они пользуются во время бесед с товарищами, близкими, родными, т. е. в бытовой обстановке.

При создании этой книги автор пользовался советами своих учителей — кандидата филологических наук В. А. Ицковича и доцента Ю. Ф. Мушака. Автор выражает искреннюю благодарность профессору А. А. Реформатскому, ознакомившемуся с книгой в рукописи и сделавшему ряд очень ценных замечаний, позволивших улучшить ее.

ВВЕДЕНИЕ

КАК УЗНАЕТСЯ СЛОВО

Ребенку показывают на лампочку и говорят: „*Лампочка*". Потом его спрашивают: „*Где лампочка?*" — и малыш после многих ошибок начинает правильно указывать на лампу. Правда, связь слова *лампочка* с предметом, как у человека уже владеющего языком, еще не тверда в сознании ребенка. Поэтому он может назвать лампочкой и баночку, и бутылку, и другой стеклянный предмет, хоть сколько-нибудь напоминающий лампу. И лишь тогда, когда ребенок научится связывать со словом *лампочка* только определенные предметы, те же, что и другие говорящие по-русски люди, мы можем сказать, что он знает слово *лампочка*.

Иностранец пришел на рынок, чтобы купить фруктов. Проходя около торгующих, он показывает на яблоки. Продавец переспрашивает: „*Яблоки?*“. При следующем посещении рынка иностранец, возможно, назовет яблоками груши, но после ряда ошибок установит связь между словом *яблоки* и соответствующим видом фруктов. Слово в его сознании закрепится за определенными предметами.

Итак, мы видим, что слово является для человека важнейшим средством сформировать и закрепить с помощью звуков языка добытое из действительности обобщенное знание предметов, явлений и т. д.

Слово представляет единство значения и звучания. О том, что такое слово, писал выдающийся французский языковед первой половины нашего века Антуан Мейе: „Слово является результатом сочетания определенного значения с совокупностью определенных звуков, пригодного для определенного грамматического употребления“.

Вот так мы и узнаем слова—связывая их с определенными предметами, действиями, признаками, понятиями, называемыми ими.

Правда, не всегда для того, чтобы узнать название предмета, нужно слышать это слово. При изучении иностранного языка мы часто заглядываем в словарь и поначалу связываем английское слово *table* (приблизительно звучащее

тэйбл[1]), или немецкое *Tisch* (приблизительно звучащее *тиш*), или французское *table* (приблизительно звучащее *табль*) с нашим русским словом *стол.* Но по-настоящему владеть иностранным языком мы начинаем только тогда, когда, услышав иностранное слово, не связывая его с русским переводом, представляем предмет, признак, действие, понятие, называемое этим словом.

Итак, знать слово—это знать ту связь, которая установлена в сознании людей, говорящих на определенном языке, между звучанием и написанием слова и представлением, предметом, признаком, действием, понятием, называемым им.

КАК ВОЗНИКАЕТ СЛОВО

Как случилось, что представление о сахаре как предмете связалось в нашем языке с определенным звучанием? Ведь вовсе не обязательно, чтобы сахар назывался сахаром. Химический состав сахара и его сладкий вкус во всем мире в общем одинаковы, а слова, называющие его, в разных языках разные. Значит, звуки, которыми называют предмет, с его сущностью не

---

[1] Здесь и далее в скобках русскими буквами передается приблизительное звучание слов. Артикли при английских, немецких, французских, итальянских и других существительных опускаются.

связаны. Как ни сравнивай слова русского языка, не объяснишь, почему сахар называется сахаром, а не иначе, ну хотя бы *рахасом*, то есть тем словом, которое получилось бы, если читать слово *сахар* с конца, как это делал Влас-лоботряс из стихотворения В. В. Маяковского. Часто нельзя только с помощью языка, на котором мы говорим, объяснить, почему предмет, явление называется так или иначе, выявить причины, мотивы, побудившие именно так, этим словом назвать предмет. Поэтому обычно мы говорим о немотивированности слова в языке.

Но всегда ли слово не мотивировано? Попробуем выяснить, по какому признаку, например, назван паровой двигатель на колесах, везущий железнодорожный поезд, — *паровоз*. Паровоз — *возит паром*. Это и стало тем признаком, на основе которого возникло слово-название *паровоз*. Это слово в русском языке мотивированное, но мотивированность здесь относительная.

Мы можем объяснить его возникновение, но почему пар называют *паром*, а действие возить — *возить*, а не иначе, на это мы с помощью знания слов нашего языка ответа не дадим. Мотивированное слово мы можем объяснить немотивированным, и только. Поэтому говорят об относительной мотивированности и абсолютной немотивированности слов.

Восстановлением истории слов от современного состояния к древнему их состоянию зани-

мается очень интересная наука — **этимология**, в самом названии которой имеется точное указание на ее назначение. По-гречески *etymon* — „истина“, а *logos* — „слово“, „учение“, т. е. наука о „происхождении слова“. Чем больше успехи этимологии, тем для большего числа слов мы узнаем пути их возникновения.

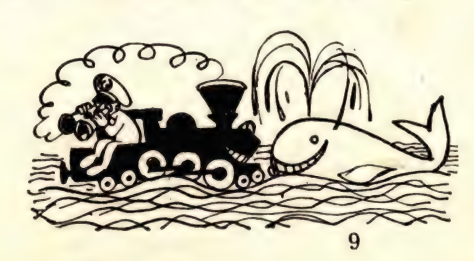
КАК ИЗУЧАЮТ ИСТОРИЮ СЛОВ

Как же ученые исследуют историю слов?

Прежде всего они изучают письменные памятники, т. е. древние рукописи, документы, книги и различные надписи прошлых веков.

Мы уже говорили о признаке, который был избран для называния паровоза. Из письменных памятников мы узнаем, в каком значении и как употреблялись раньше те или иные слова, а также, как раньше обозначались в языке те или иные понятия. Так, например, если почитать книги, написанные и изданные в первой половине XIX в., то окажется, что тогда паровоз называли пароходом. Почти забытый теперь поэт Н. Кукольник даже сочинил стихи: „Дым столбом стоит, дымится *пароход*. . . И быстрее, шибче воли *поезд* мчится в чистом поле“.

Первый русский паровоз, построенный в 1833 г. братьями Черепановыми, назывался *су-*

хопутным пароходом[1]. Сухопутным, чтобы отличить от водного. А потом нашли более простой способ для различения сухопутного и водного парохода, а именно: появилось слово *паровоз*.

С тех пор имеющаяся в сложном слове значащая часть (морфема) ***воз*** — *паровоз*, *электровоз*, *тепловоз*, *турбовоз*, *мотовоз* — указывает на то, что машина, называемая этим словом, движется по земле, а значащая часть ***ход*** в сложных словах *пароход*, *теплоход*, *электроход* говорит о том, что машина движется по воде.

Чем дальше в прошлое, тем больше подобных открытий.

Вот, например, летописец XII века сообщает, что была большая *туча* (а слово *туча* в те времена означало грозу) и после нее дети находили *глазки*. Эта запись вместе с примерами из других текстов XII века свидетельствует о том, что *глаз* означало в то время блестящий камешек, шарик. Видимо, по похожести нашего глаза на блестящий шарик [недаром говорят *глаза, как бусинки*, а в диалектах (местных говорах) большие глаза удивленного или возмущенного человека называют *шары*] и стали позже этим словом обозначать орган зрения, который, как свидетельствуют старые рукописи, до того называли

---

[1] В 1835 г. в „Горном журнале“ была напечатана статья „Известие о сухопутном пароходе, устроенном в Уральских заводах в 1833 г.“.

око (слово, сохранившееся в русском языке в отдельных выражениях, в народных песнях и былинах).

Но письменные памятники не могут увести нас далеко в прошлое. Книги и надписи на славянских языках расскажут нам о словах, бытовавших в языке не далее чем лет тысячу назад. А до этого?

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЗВУКОВЫХ ЗАКОНАХ

Поиски слова в далеком прошлом обычно начинаются с установления его звучания, более старого, чем сегодняшнее. Дело в том, что со временем звучание многих слов изменяется: новое поколение или люди, пришедшие из другой местности, произносят некоторые звуки и сочетания звуков иначе, чем они произносились раньше.

Такие изменения обычно происходят по определенным звуковым (фонетическим) законам, обязательным в одно и то же время и при одних и тех же условиях для всех существующих слов языка.

Эти законы язык соблюдает последовательно во всех словах, формах слов. Но следует учесть, что фонетические законы действуют в строго определенных условиях, изменения происходят только в один какой-то период и для слов, появив-

шихся в языке позже, эти законы не обязательны. Поэтому и исследования в истории слов проводятся с почти математической точностью, с учетом того, о каком времени, о каком периоде жизни языка идет речь.

Конечно, звуковые законы есть и у современного русского языка. Так, например, звонкие шумные согласные в конце слова заменяются соответствующими глухими. Мы говорим *дуба*, но *дуп* (хотя пишем *дуб*), *сло́ва* и *слова́*, но *слоф*, *хлёба*, но *хлеп*.

А какие звуковые законы действовали в прошлом, какие следы они оставили?

Давайте рассмотрим некоторые из них, чтобы более четко представить себе, как живет язык.

В древнерусском языке, на котором говорили и писали в Киевской Руси веков восемь-девять назад, были своеобразные гласные звуки — очень краткие ***о*** и ***е***. Их обозначали буквами ер ***(ъ)*** и ерь ***(ь)*** (теперь мягкий и твердый знаки). Приблизительно с XII века в древнерусском языке начал действовать следующий звуковой закон. Под ударением, когда ***ер*** и ***ерь*** произносились яснее и четче, а также в некоторых других случаях ***ъ*** начал звучать как ***о***, а ***ь*** — как ***е***. Зато на конце слова и перед слогом с ударным гласным эти звуки, как правило, исчезали. Из *ръ́тъ* получилось *рот*, а из *ръта́* — *рта*, из *съто́* — *сто*, а из *съ́тъ* — *сот*. В результате действия этого звукового закона возникли наши нынешние че-

редования ***о, е — ноль звука,*** появились известные каждому школьнику „беглые гласные“ ***о*** и ***е.***

Знание звуковых законов позволяет восстанавливать древний облик слов, объяснять изменения, которые произошли в словах, находить общее между словами.

СРАВНЕНИЕ РОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

До сих пор мы говорили об изучении истории слова в русском языке. Но известно, что между языками существует родство.

Многие знают, насколько похожи и грамматикой и словарем русский, украинский и белорусский языки. Эти языки — братья. Они потомки древнерусского языка, на котором говорили в Киевской Руси. Это восточнославянские языки, возникшие из языка восточных славян.

Для того чтобы каждый смог убедиться в справедливости наших утверждений, приведем несколько примеров, показывающих, сколь близки между собою восточнославянские языки.

Древнерусский язык	Русский язык	Украинский язык	Белорусский язык
дьнь	*день*	*день*	*дзень*
сънъ	*сон*	*сон*	*сон*
бѣлъ	*бел(ый)*	*біл(ий)*	*бьел(ы)*
вълкъ	*волк*	*вовк*	*воўк*
голова	*голова*	*голова*	*галава*
ночь	*ночь*	*ніч*	*ноч*

Такая же близость наблюдается между этими языками не только в словаре, но и в грамматике.

У восточнославянских языков много общего с языками других славянских народов: поляков, чехов, словаков, сербов, хорватов, болгар и других — хотя и меньше, чем между собой. Все эти языки составляют единую семью славянских языков. Дело в том, что все они потомки общеславянского или праславянского языка, который не сохранился в письменных памятниках, но слова которого восстанавливаются путем сравнения и сопоставления слов из языков-потомков и установления таким образом старого звучания этих слов.

Родственны друг другу и балтийские языки — литовский, латышский и вышедший из употребления, после того как Пруссию захватили немцы, древнепрусский язык. Ученым-языковедам удалось путем сопоставления и анализа слов доказать довольно близкое родство этих языков славянским. Поэтому иногда говорят о балтийско-славянских языках.

Неоспоримые доказательства общего происхождения найдены для французского, итальянского, испанского, португальского, румынского, молдавского и некоторых других языков. Эти языки, называемые в науке романскими, тянутся корнями своими к народной латыни — языку расселившихся почти по всей Европе потомков жителей древнего Рима[1]. Эти же языки

[1] Рим по-латыни — *Roma* (*Póма*), поэтому языки эти и назвали романскими.

называют иногда **италийскими** от названия страны *Италия*.

Установлена общность немецкого, английского, голландского, шведского, исландского, датского и других языков, получивших название **германские** языки.

Языковые семьи, о которых шла речь, как и некоторые другие группы и семьи языков (например, древние языки Индии),— родственники. Все они составляют **индоевропейскую группу языков**. Сотня с лишним корней оказываются **общими** для **всех** индоевропейских языков, и ученым путем долгих и тщательных исследований удалось **предположительно** восстановить их древнейшую форму.

Разумеется, изучают и анализируют не только старое звучание, но и старое значение. Только учитывая значения, можно с уверенностью сравнивать слова разных языков. Ведь слово, как мы говорили раньше,— единство звучания и значения. Но речь об этом будет идти дальше в книге.

Пользуются ученые для выяснения истории слов и тем, что в некоторых местах, особенно в глухих деревнях, доживают свой век слова, вообще-то в языке давно уже умершие, т. е. не употребляющиеся в литературной речи. Так, до сих пор у нас на севере порядок, устройство называют *ала́бор*. Благодаря этому становится понятным, как возникло слово *безалаберный* — беспорядочный. **Местные говоры** — **незаменимый источник сведений для исследователя жизни языка.**

КОРНИ, ОБЩИЕ РОДСТВЕННЫМ ЯЗЫКАМ

Для индоевропейских языков общими оказываются многие названия родства: в общеславянском — *матер*, в латинском — *mater (ма́тер)*, похоже было и у германцев. Так же близки названия многих числительных, названия простейших видов движения, некоторых простейших орудий труда.

Основная масса слов в славянских языках едина. Разумеется, надо учесть изменения, которые происходят и происходили в них под действием различных звуковых законов, и некоторые различия значений. Так, сравните русское *беседа*, украинское *бесіда (бэ́сида)*, имевшее дополнительное значение „пирушка", „компания", польское *biesiada (беся́да)*, означающее „пир", „пиршество", чешское *beseda (бэ́сэда)*, означающее „беседа", „разговор", „клуб", „общество" и даже название танца, сербско-хорватское *бе́седа*, означающее „речь", „проповедь".

Обычно, чем более далеки языки, в которых мы находим общие корни, тем дальше в историю связанных с ними слов мы можем заглянуть.

Не всегда общие слова говорят о родстве, часто это — результат соседства и общения, т. е. заимствования.

ВСЕ ЛИ ЯЗЫКИ РОДИЧИ?

Не все языки в родстве. Отдельную семью составляют тюркские: казахский, татарский, монгольский, туркменский, узбекский, киргизский, турецкий и некоторые другие.

Арабский, еврейский и другие составляют семью семитических языков, а вместе с языками некоторых негритянских народов — семито-хамитскую группу. Финский, венгерский, мордовский, марийский, эстонский и другие входят в угро-финскую группу; китайский, вьетнамский, языки народов Тибета входят в китайско-тибетскую. Этот перечень можно продолжить и далее. Ведь в мире много различных языков. По подсчетам некоторых ученых, их две с половиной тысячи.

РОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЯ

Однажды маленькая девочка спросила: „Откуда *слезает слезарь?*“. Речь до этого шла о слесаре. Девочка попыталась осмыслить это новое для нее слово, сопоставив его с известным ей. Связывала она новое слово, разумеется, со схожим по звучанию и поэтому решила, что *слесарь* назван так потому, что откуда-то *слезает*.

В русском языке слово *слесарь* немотивировано[1]. Но девочка правильно думала, что слово должно быть связано с предметом, что название указывает на признак предмета.

[1] Оно мотивировано в немецком языке, откуда во времена Петра I перешло к нам. *Schlosser (шлóсэр)* или еще *Schlösser (шлёсэр)* собственно означает „делающий замки́“, „замочник“ от *Schloss (шлос)* — замок.

Здесь надо сделать важное уточнение: название указывает на признак предмета обычно в м о м е н т своего рождения, иными словами, в то время, когда слово в п е р в ы е начинает употребляться в языке. Позже, в процессе употребления, название становится прямо, непосредственно связанным с предметом, оно становится своего рода представителем предмета в нашем сознании, и мы забываем, на какой признак оно первоначально указывало.

Какие же признаки большей частью выбирают, чтобы назвать предмет? На этот вопрос ответить довольно трудно. Дело в том, что в разные времена у разных народов эти признаки могут быть различными для одного и того же вида предметов. Наше известное всем слово *пчела* происходит от названия, данного насекомому за характерный шум при полете. В древнерусском языке название этого насекомого звучало иначе — *бьчела*, а затем под действием различных звуковых законов русского языка появилось слово *пчела* (**ь** перед ударяемым слогом выпал, а ***б***, очутившись перед глухим ***ч***, стал произноситься глухо). В украинском языке — *бджола* (здесь действовал иной звуковой закон, и после звонкого ***б*** звук ***ч*** стал звучать звонко — ***дж***). Французские же крестьяне и жители древней Индии пчелу назвали по другому признаку: она приносит мед. Поэтому французские крестьяне назвали ее *mouche à miel*, что значит медовая мушка, а древние индийцы — медолизом.

ПРЯМОЕ НАЗЫВАНИЕ ПРИЗНАКА ПРЕДМЕТА. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Рождение названий, связанных с назначением предметов

Очень многие дети говорят вместо *лопатка* — *копатка*. Они думают, что название предмету дано не по его форме, схожей с формой широкого листа (ср. *лопух*), а по назначению, действию, производимому лопатой, — *копать*. И если дети ошибаются в этом случае, то они вполне правы относительно того, что в нашем языке множество предметов получили названия по своему назначению.

Взять, например, многие сложные слова: *паровоз*, который возит паром по земле, и *пароход*, ходящий по морю с помощью пара, *ледокол*, предназначенный для того, чтобы колоть лед, и *волнорез*, режущий волны, которые набегают на берег, *водомер*, *миномет*, *пулемет*, *водопровод*, *газопровод* и т. д. Достаточно немного задуматься, чтобы понять признак, использованный при создании всех этих слов.

А вот слова с суффиксами: *двига**тель*** — от *двигать*, *выключа**тель*** — от *выключать* (свет), *предохрани**тель*** — от *предохранять*, *будиль**ник*** — от *будить*, *паяль**ник*** — от *паять*, *холодиль**ник*** — от *холодить*, *прием**ник*** — от *принимать*, *подъем**ник*** — от *поднимать*, *веша**лка*** — от *вешать*, *вея**лка*** — от *веять*, *гре**лка*** — от *греть*, *покрывало* —

от *покрывать*, *мыло* — от *мыть*, *шило* — от *шить*, *точило* — от *точить*.

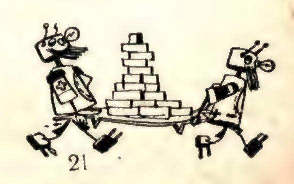
У чехов *самолет* называется *лéтадло*, у украинцев — *літáк*. Оба эти слова ведут свое начало от общего всем славянам корня ***лет***, который находим и в русском — *летать*, *самолет* и т. д.

Почти все перечисленные слова обозначают названия орудий действия, инструментов, приборов, с помощью которых выполняется определенное действие; по этому действию они и названы.

Интересно слово *счетчик*, естественно, образованное от *считать*. Пока счет могли вести только сами люди, слово *счетчик* называло человека, производящего счет, теперь же у нас есть *газовый счетчик*, *электрический счетчик* и многие другие приборы, называемые по их действию *счетчиками*. Вообще, названия по выполняемому действию часто оказываются о б щ и м и для людей и приборов, если только одно и то же действие может выполнять и человек и прибор.

Назначение — это не только действие, выполняемое с помощью названного предмета. По назначению названы многие помещения и территории, где происходит действие: *спальня* — от *спать*; *пастбище* — от *пасти*, *пастьба*; *стрельбище* — от *стрелять*, *стрельба*; *зимовка* — от *зимовать*; *училище* — от *учить*; *бойня* — от *бить* (в значении убивать, резать скот).

Предмет может быть предназначен для того, чтобы содержать что-то, и тогда название указы-

вает корнем на содержимое этого предмета, т. е. опять-таки на его назначение — *бумажник, кофейник, чайник.*

Вполне понятно, как возникли слова *коровник, свинарник, курятник* или *чернильница, пепельница, резец* (от *резать*).

Каждый говорящий по-русски легко объяснит, как образованы эти слова. Что делает или содержит предмет, передано корнем слова. На характер предмета: инструмент, помещение и т. п. — указывает суффикс слова.

Все это подтверждают примеры: *шатун* — от *шататься*, *тесак* — от *тесать*, *черпак* — от *черпать*, *смазка* — от *смазать*. Но не всем ясно, что *напиток* в родстве со словом *напиться*, а еще труднее заметить, что *пиво* связано со словом *пить*. Дело в том, что здесь суффиксы старые, теперь малоупотребительные, и мы их не замечаем.

Еще сложней дело обстоит с иностранными словами. Слово *мотор*, например, означает двигатель: *moto* (*мóто*) по латыни — двигаю, а ***-or*** (*ор*) — суффикс, соответствующий нашему суффиксу ***-тель.*** Но это уже надо объяснять.

Почти во всех европейских языках название двигателя — *мотор* происходит от латинского корня и суффикса.

По назначению предмета названы *воз* и *вагон*. *Воз* — то, в чем *возят*. Это слово было еще в общеславянском языке. Славянскому *везти* в германских языках соответствует *weigon* (*вэ́йгон*). От *weigon* (*вэ́йгон*) немцы по признаку

назначения образовали слово *Wagen (ва́гэн)* — повозка. От этого же корня происходит и английское *waggon (вэгн)*, которое через французский язык — *wagon (баго́н)* — пришло к нам в качестве названия железнодорожного вагона. Немцы теперь называют железнодорожный вагон *Wagen (ва́гэн)*.

Слово *театр* родилось в древней Греции, где слово *teaotai (театáи)* [1] значило «смотрю». Тогда оно звучало *театро́н* и служило названием места для зрелищ, а позже стало использоваться для названия самого зрелища. Из греческого это слово заимствовали другие народы.

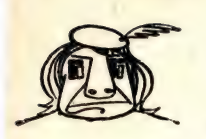
Сербохорватское слово *по́зориште* означает не позорище, позор, а театр, т. е. место, куда приходят *зреть, смотреть*.

В древнерусском языке слово *позо́рище* также обозначало место, где смотрят, *зрят* на что-либо. Свое нынешнее значение, т. е. „бесчестье, постыдное, унизительное для кого-нибудь положение, вызывающее презрение", слово *позо́р* приобрело в связи с тем, что еще несколько веков назад на Руси на всеобщее обозрение, на *позор, позорище* выставляли преступников.

Современное название театрального представления — *спектакль* происходит от французского слова *spectacle (спэкта́кль)*. Это слово проникло в русский язык и до сих пор живет в нем.

---

[1] Для простоты слова́ языков, пользующихся непонятными нашим школьникам алфавитами, передаются латинскими буквами.

Рассматривая историю слов, связанных со значением „видеть”, „смотреть”, мы сталкиваемся со словом *окнó*. Слово *окнó* того же корня, что и *óко* — глаз. *Окнó* — это глаз дома. Английское название окна — *window (вúндоу)* (по происхождению означает „глаз ветра“), как и испанское *ventana (вентáна)*, означающее „ветренное“, указывает на то, что окно служило для проветривания, вентиляции. У сербов окно называется *прóзор* (корень в этом слове *зор*) — по назначению, т. е. для того, чтобы смотреть, *зреть*.

Итак, мы видим, что многие названия предметов, явлений связаны с назначением этих предметов, с тем, для чего служат эти предметы.

Еще несколько рассказов о названиях, связанных с назначением предметов

Первое впечатление, которое производит слово *стол*, если попытаться раскрыть его происхождение, — это какая-то связь со словами *стелить*, *стлать*.

Стол, видимо, стелили, как *стелят* на востоке циновку, усаживаясь за еду. Так думают многие ученые, ссылаясь на то, например, что у арабов название стола тоже связано с корнем, означающим стлать. Сначала, говорят они, *стол* и означало подстилку, затем стул и лишь потом то, что мы и сегодня называем столом.

Действительно, можно предположить, что по заложенному в этих словах при их создании

смыслу слова *стол* и *стул* означают одно и то же. Только первое у нас свое, а второе взято из немецкого языка — *Stuhl (штуль)* означает по-немецки стул. Вот у украинцев стол — *стіл (стил)*, а стул — *стілець (стилэ́ць)* — маленький стол.

Но с этим предположением не все ученые соглашаются. Многие резонно возражают: арабы свой стол — циновку — действительно стелят, а славяне никогда столов не постилали.

Наши далекие предки не пользовались ни большими столами на несколько человек, как мы, ни такими, что стелят, как арабские циновки. Их столы представляли собой низенькие подставки, на которых можно было и делать различную работу и есть. При еде каждому подавалась такая подставка. Эта же подставка могла быть и стулом. На Балканах подобный обычай сохранился до настоящего времени.

Итак, стол не стлали, а ставили. Кстати сказать, это подтверждается и тем, что в древнерусском языке стол называли *поставец*.

В слове *стол* в славянских языках сохранился тот же индоевропейский корень, указывающий на плоское возвышение, что и в немецком *stellen (штэ́лэн)* и в образованном от него *Stuhl (штуль)*. Присоединяясь к ученым, выдвинувшим это толкование происхождения слова *стол*, можно сказать, что стол в свое время был назван по назначению — ставить.

Очевидно, в случаях, когда подставку заменили более солидным современным сооружением,

которое также служит не только для приема пищи, но и для ручной работы, и для письма, этот предмет тоже назвали *стол.* Но подставка могла выполнять не только роль нашего стола. Слово *стол* в значении „место для сидения" стало названием трона. Вспомните, например, текст гениального памятника русской литературы XII века „Слово о полку Игореве", где читаем: „Осмомыслѣ Ярославе высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ *столѣ*".

В известной былине „Илья Муромец и Соловей-разбойник" находим:

Говорит старый казак Илья Муромец:
— Ай же князь Владимир *стольнокиевский!*
А ведь ехал я из города Муромля
Прямоезжею дорожкой в *стольный* Киев-град.

В связи с этим употреблением слова *стол* в речи появилось выражение *стольный град*, слово *столица*, т. е. город, в котором стоит княжеский *стол (престол).*

Поскольку стул — подставка выглядел не столь уж большим, украинцы назвали его не *стіл (стил)*, как по звуковым законам украинского языка зазвучало слово *стол*, а *стілець (стилэць)* — с уменьшительным суффиксом — «маленький стол», т. е. словом одного корня со словом *стол.*

По своему назначению названы и некоторые другие предметы мебели. Когда мы произносим слово *кресло*, то имеем в виду такой стул, который имеет ручки или плечики. Между тем слово *кресло* в славянских языках имеет еще и

другое значение. Словом *кресло* русские крестьяне называли ту часть телеги, в которую укладывают груз, эта часть телеги обязательно ограждена. В языках западных славян *кресло* — это еще и ловушка для птиц или мелких животных.

Попробуем отыскать нечто общее во всех этих значениях слова *кресло*. Ограждение? Видимо, слово *кресло* — название стула с „оградами“, рассчитанного на то, чтобы на нем можно было крепко, прочно сидеть, было обо что опереться. Знание звуковых законов языков позволяет предположить, что это слово звучало когда-то как *крепсло*, тогда становится ясной его близость к слову того же корня — *крепкий*.

И другие народы назвали стул с ручками, подлокотниками особым словом, выбрав его отличительным признаком удобство, возможность укрепиться. Так, у немцев одно из слов, обозначающих кресло, — *Lehnstuhl (лёнштуль)*, т. е. стул, на котором можно опереться, облокотиться.

Свое название предмета, именуемого в русском языке *кресло*, — *fauteuil (фотэ́й)* — французы заимствовали у предков нынешних немцев. Звучало оно первоначально *Faltstuhl (фа́лтштуль)*, что означало „крепкий стул“, „верный стул“, „прочный стул“. Англичане называют кресло словом *arm-chair (а́рм-чее)* — стул с ручками. Но здесь, впрочем, мы отходим от признака — по назначению.

Если в кресле можно, так сказать, укрепиться, прочно усесться, то *ложе* — предмет для *лежания*; *лежак* — деревянная койка для

лежания, *лежанка* — длинный выступ на печи для *лежания;* древнерусское *легальница* — спальня. Кресло, в котором можно *качаться*, конечно же, называется *качалкой*. Кровать, которую можно сложить и разложить, т. е. кровать, которая *раскладывается*, — *раскладушка*.

Как видим, в основе названия многих предметов нашей комнатной обстановки лежит признак, связанный с назначением того или иного предмета. Но вот мы видим небольшой диван с изголовьем, который называется *кушетка*. Оказывается, что и это название означает лежанка, только слово не русское, а заимствованное. *Coucher (кушэ́)* по-французски — ложиться, ложиться спать; *couchette (кушэ́т)* — постелька и название небольшого дивана, на который можно прилечь. Русские, которым приходилось пользоваться *кушет*, придали иностранному слову русское оформление. Может быть в связи с тем, что она маленькая, слову добавили суффикс *-к-*. Так появилось русское слово *кушетка*.

Слово *ширма* связано с немецким *schirmen (ши́рмэн)*, что значит „защищать", „заслонять". У немцев *Schirm (ширм)* называют не только мебель, а и зонт, и козырек, экран, просто защиту. Но в русский язык слово *ширма* проникло только с одним значением — для названия мебели. Правда, поскольку ширма служит укрытием, прикрытием, и в русском языке в определенных выражениях это слово стало означать просто прикрытие для кого-нибудь или чего-нибудь (в отрицательном, правда, смысле).

Наволочка. Это то, что *наволакивают* на подушку, *натягивают* на ее поверхность, то, что *наволочено*, покрывает, накрывает предмет. Наволочка покрывает подушку. Наволочить в этом случае значит покрыть, натянув что-то на поверхность[1].

И некоторые другие предметы постельного белья названы по их назначению или же по способу употребления. Сама *постель* — это то, что *стелят*, *простыня* — от *простирать*, т. е. раскладывать. Сюда же попадает и слово *покрывало* — от слова *покрыть*.

Теперь посмотрим на нашу одежду.

Если француз услышит слово *тужурка*, он и не подумает об одежде. Оно ему напомнит только французское слово *toujours* (*тужу́р*) — всегда, ежедневно. Если мы попытаемся перевести русское *тужурка* на французский язык, то должны прибегнуть к описанию этого вида одежды: рабочий пиджак, пиджак для дома — *veston de*

---

[1] Посмотрите, сколько различных значений может придать слову приставка ***на-***! *Наволочка* — это то, что волочат, ***на****волакивают* на что-то. А *наволо́чь* — это не только и не столько куда-то, на что-то. Приставка здесь показывает, что сделано было в высшей степени много. В слове *наволо́чь* самое главное, пожалуй, что много — „наволокли разных предметов“. Здесь мы имеем дело с таким же значением приставки, как и в слове *наговорить*, т. е. сказать очень много. Слово *наговорить* звучит обычно неодобрительно, применяется к болтунам.

travail (вэстóн де травáй), *veston d'interieur (вэстóн д'энтэрьэ́р)*. Но между французским словом *toujours (тужур)*, имеющим значение „всегда“ и русским *тужурка*—„одежда, которая рассчитана на то, чтобы ее носить каждый день, т. е. почти всегда”, как видим, есть общее. Только во французском языке нет названия для ежедневной одежды, образованного от слова *toujours (тужур)*.

Зато в русском языке от этого французского слова при помощи суффикса ***-к-*** образовано *тужурка*.

Итак, если предмет выполняет или ему приписывается некое назначение, то этот признак может лечь в основу названия предмета. Как мы видели из примеров, так называют часто инструменты, помещения, предназначенные для определенных целей, а также ряд других предметов, употребляемых нами в работе и в быту.

Названия того типа, о котором мы только что говорили, даются чаще всего предметам, изготовляемым человеком.

Рождение названий, связанных со способом изготовления (приготовления) предметов

Примеры названий этого типа можно найти в любом меню: *варенье*—от *варить*, *печенье*—от *печь*, *жаркое*—от *жарить*, *отбивная*—от *отбивать*, *битки*—от *бить*, *солонина*—*посоленное* для более долгого хранения мясо. Это не случайно,

поскольку вкусовые качества пищи зависят от способа ее приготовления.

Теперь посмотрим на некоторые заимствованные из иностранных языков названия. Здесь наблюдается во многих случаях та же картина.

Сардины — это рыбки, приготовленные по способу, принятому на итальянском острове *Сардиния*. Английское по происхождению слово *ро́стбиф* означает „слегка поджаренное говяжье мясо".

Названия продуктов зерновых (а от них и сами названия растений) связаны со старым способом обработки их зерна, получения муки.

Так, например, слово *мука* происходит от *мучити*. *Мучити* первоначально значило мельчить, дробить, толочь, делать мягким. *Мука* — дробленая, мятая — молотое зерно. „Пшеница много *мучима* чистъ хлѣбъ подаетъ", — писали в Киевской Руси. Того же корня, что и *мука́*, слово *му́ка*. Видимо, *му́чить* — когда говорится о человеке — представляет собой сравнение с тем, как давили, толкли муку.

Праславянское *пьхати* (в современном русском *пихать*) раньше обозначало толочь. От *пьхати* (толочь) ведет свое начало наше слово *пшено* и от него *пшеница* — культура, дающая *пшено*.

Пшено, следовательно, значит „толченое".

Пеклеванная мука — значит „просеянная". В чешском языке до сих пор сохранилось

МУКА

слово *pytel (пы́тел)*—мешок, решето, сито. У поляков *pytel (пы́тел)* означает куль и частое сито, *pytlować (пытло́вач)*—просеивать муку. Обычно муку после помола сбрасывали на сито, трясли на нем. Так ее *петлевали*, просеивали и получали белую, *петлеванную* муку. В наш язык это слово проникло из польского языка, где находим *pytlowany (пытло́ваны)*.

Каша, как свидетельствуют индоевропейские языки, означает „просеянная". У поляков *kasza (каша)* значит также „крупа". Видимо, „крупа"—более старое значение славянского *каша*. Так как крупу просеивали через густое сито, чтобы очистить от различных примесей, пыли и других частичек, то ее и стали звать просеянной. Поскольку крупу мы употребляем не иначе, как сваренной в молоке или в воде, то вскоре и блюдо, приготовляемое из нее, стали называть *кашей*.

Сметана названа так потому, что ее *сметают* (сгребают) с отстоявшегося кислого молока. *Сливки*—то, что *сливают* с отстоявшегося свежего молока.

По способу изготовления названа также ткань, известная у нас под наименованием *сукно*. Изготовляя сукно, нити *сучили*, т. е. закручивали (ср. *засучить рукава*, *сук*—на дереве).

Металлические изделия в виде нитей, тонкого прута, получили название *проволока*. Здесь, как мы видим, в основе наименования лежит также способ изготовления. Дело в том, что металл

протягивают, *проволакивают* через специальный *волочильный* станок.

Кроме этого названия, в металлургической промышленности имеется еще одно — *прокат*, т. е. продукция, получаемая после *проката* ее на специальном *прокатном* стане.

Последний пример особенно интересен, так как здесь мы встречаемся с наименованием предмета таким же словом, каким называется и способ его изготовления.

Названия, рассказывающие о материале, из которого изготовлен предмет

Изготовляют предметы не только для чего-то и каким-то способом, но и из чего-то. Поэтому вполне естественно, что предмет можно назвать и по материалу, из которого он сделан. Это особенно наглядно видно в названии *железная дорога*. В прошлом веке крестьяне называли ее *чугункой*, связывая название с материалом, из которого, по их мнению, делали рельсы. *Чугун* дал название и другому предмету — *чугунку*, *чугуну*, в котором варят, приготовляют пищу.

Есть и еще сосуды, именуемые по материалу, из которого они изготовлены. Чаша из доски — *дъстоки*, как ее называли в древней Руси, называлась *дъстъканъ*. Позже ъ перед слогом, в котором гласная стояла под ударением, выпал. Должно было получиться *досткан*, что находим иногда в произведениях писателей XVIII века. Известный

русский поэт Г. Р. Державин писал *досканец*; среди ремесленников, изготовлявших посуду, были мастера *достаканного дела*.

Но посмотрите внимательно на то, как писал Г. Р. Державин. Вместо написания *достканец*, как должно было бы звучать это слово, мы видим *досканец*. Это произошло потому, что для русского языка было непривычно сочетание трех согласных ***стк***. Видимо, из-за этой трудности произношения слово *дъстъканъ* изменилось в *доскан*. Избегая сочетания ***стк***, стали произносить ***о*** между ***ст*** и ***к***. Получалось *дстокан*, а затем ***д***, которое невозможно произнести, отпало и слово стало звучать как *стакан*. Из русского языка это слово еще в форме *достакан* проникло в язык казахов *(тостакан)*.

По материалу, из которого предмет изготовлен, назван и *чан*. В древнерусском языке его название звучало *дъщан*, т. е. *дощаный*, сделанный из доски. Когда **ъ** перед ударным слогом выпал, ***д*** перед глухим согласным оглушилось, а затем вместо *тщан* появилось *чан*.

Из дерева изготовляли лодки. Лодки, выдолбленные в дереве, назывались *челнами* — по очень древнему славянскому названию дерева.

По материалу, из которого их изготовляли, часто называют деньги.

Из *червонного* золота когда-то делались монеты, которые назывались *червонцами*. Затем это название стали применять и к бумажным деньгам. Из *золота* были и предки современных бумажных польских *зло́тых*.

Мы рассказали всего несколько историй, из которых видно, что многие названия связаны с материалом, из которого изготовлен предмет.

Еще несколько рассказов о названиях, говорящих нам о материале, из которого изготовлен предмет

Слова *платить*, *плата*, *заплатить* одного корня со словами *плат*, *платок*, *платье*, *заплата*. Здесь тоже называние произошло по материалу, из которого изготовлен предмет. В древности торговля была обменной, привозные товары почти до IX—X столетия обменивали на куски ткани.

Очень часто шли в обмен *платы*, так как они были весьма удобными для расчета, своего рода разменной монетой. Поэтому от корня *плат* образованы и слова, связанные с оплатой.

Из древней Греции через латинский, итальянский и французский языки пришло к нам слово *сандалии*. Сандалии древних греков делались из коры *сандалового* дерева, отсюда и название *сандалии*. Теперь сандалиями называются легкие туфли из кожи. Значение „легкая обувь" за этим словом сохранилось, хотя предмет, обозначаемый им, по материалу, из которого сделан, совсем иной.

Из греческого языка более позднего периода

ведет происхождение слово *туфли*. Дело в том, что обувь, напоминающая наши туфли, делалась целиком из коры. В греческом же языке слово *panto (пáнто)* означало „весь", а *fellos (фéллос)* — „из коры", отсюда название обуви *pantofellos (пантофéллос)*. Правда, такого слова не сохранилось в рукописях, но о существовании его свидетельствуют потомки этого слова. Французы и итальянцы носили уже кожаную обувь, однако легкие виды ее называли почти по-прежнему: итальянцы — *pantofola (пантóфола)*, а французы — *pantoufle (пантýфль)*. К полякам это слово пришло от итальянцев, но в несколько ином звучании — *pantofel (пантóфель)*, а к русским от французов — *пантýфль*.

По-другому зазвучало это название одно время у немцев. Первую часть слова они поняли как свое, называющее шнурок, — *Band (бант)*. Из северных немецких говоров через польский мы заимствовали его со звонким *б* — *бант*.

На юге Германии говорили *Pant (пант)*. А раз *pantufel (пантýфель)* вид обуви со шнурками, то без шнурков — просто *tufel (тýфель)*. Теперь в немецком языке слова *tufel (тýфель)* нет, но в русском оно прочно утвердилось.

Блуза — слово, пришедшее из французского языка. Первые блузы, которые носили участники крестовых походов, делались из синей материи. Синей краской индиго эту материю окрашивали в египетском городе *Пелузиум*. Ткань, окрашенная индиго, и одежда, сшитая из нее, называ-

лась в средневековой латыни *pelusia (пелу́зия)*. Затем по звуковым законам французского языка получилось современное *blouse (блюз)* — блуза.

Слово *тахта* — название дивана без спинки и валиков — пришло к нам с востока, из тюркских языков. *Тохта́* значит в этих языках „доска“, так как название дано по материалу, из которого изготовлена мебель.

У нас *бляха* — это металлическая пластинка с выдавленной надписью, номером. В украинском языке это слово означает прежде всего жесть, преимущественно кровельную, и даже противень, как и у поляков, а в старину и у немцев *Blech (блех)*.

Пряник называется пряником потому, что его делали с *пряностями* — с перцем. Немцы до сих пор называют пряник *Pfefferkuchen (пфеферку́хен)* — пирожок с перцем.

Рубаха происходит от того же корня, что и *рубить*. Сшитые *рубы* — оторванные куски материи (у лужицких славян, живущих в ГДР, кусок полотна до сих пор называется *руб*, у белорусов *руб* — название толстой ткани, а *рубо* — платье) — составляли *рубаху*. Обычно ее делали из двух *рубов*, без рукавов, длиной ниже колен. Могла быть такая рубаха и нижним бельем и верхней одеждой. Потому, видимо, и сейчас слово *рубаха* сохранило оба значения — и блузы, и сорочки.

Названия предметов по месту изготовления и распространения их

Есть еще один признак предмета, часто бывший, да и сейчас иногда остающийся весьма существенным. Речь идет о месте изготовления этого предмета. До сих пор, например, небольшую печатную машину, которую до революции завозили в Россию из Америки, типографские рабочие называют *американкой*. Это наименование, конечно, не общепринятое. Но вот несколько иной пример.

Птица из семейства куриных, вывезенная из Вест-Индии (так еще долго после открытия Колумба, думавшего, что он приплыл в Индию, называли Америку), получила у нас название *индюшка*, а у французов *dinde (дэнд)*, что значит „из Индии"—*d'Inde*. Вообще, очень многие породы животных получили свои названия по месту, где они были выведены или откуда они завезены,— *холмогорки*, *шотландки*, *каракульские овцы*.

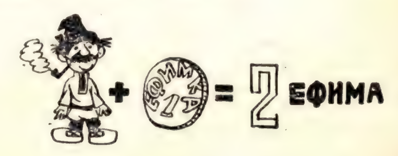
Поселения на чужих, завоеванных территориях в древнем Риме назывались *colonia (коло́ния)*. Отсюда и название немецкого города *Кёльн*. Дело в том, что этот город находился на территории, составлявшей ранее колонию римлян. Название города *Köln (Кёльн)* представляет измененное латинское слово *colonia (колониа)*. По-французски Кёльн до сих пор называется *Cologne (Коло́нь)*. Почти так же он называется и у поляков: *Kolonia (Коло́ния)*.

В Кельне раньше хорошо делали духи. Привозимая из Кельна пахучая вода называлась у французов *Eau-de-Cologne (одеколо́нь)*, что значило „вода из Кёльна“. Отсюда наше — *одеколон.* В XVIII веке в России еще говорили „кельнская вода“. А чехи и сейчас говорят *kolinska voda (ко́линска во́да)*, то же видим и у поляков — *woda kolonska (во́да коло́ньска).*

Среди различных тканей, которые завозили наши предки, было несколько китайских, т. е. изготовляемых в Китае. Один вид бумажной материи так и стали именовать *китайкой* по названию той страны, откуда ее привозили. *Китай* же русские назвали по имени племени, с которым они встретились, подойдя к Китаю с севера. Арабы по имени этого же племени назвали *Кхатай* только северную часть Китая.

Ткань, которую выделывали в Бостоне, получила название *бостон*, а ткань из Кашмира (Индия) — *кашемир.*

По месту изготовления назывались некоторые монеты. Таково, например, происхождение названия довольно старой денежки *ефимка́*, известной у нас с XVII века. В 1518 году в Богемии в городке *Иоахимтале* была выбита впервые эта монета. *Иоахимтальский* — по-немецки *Ioachimstaler (йоахимста́лер).* Кто не знал, что монета из Иоахимталя, делил ее название на две части: *Ioachim (йоахи́м)* — наше *Ефим* — и *Taler (та́лер). Taler (та́лер)* в дальнейшем начал означать название монеты. От немецких *талеров* ведет свое

название американский *доллар*. Русское название монеты — *ефимо́к* — происходит непосредственно от польского *joachimik (йоахи́мик)*, которое в свою очередь идет от латинского *Ioachimicus (йоахи́микус)*.

Не только талеры названы по месту, где их выпускали. Итальянские *fiorino (фёрино)* — *фло́рины* — называются так потому, что их выпускали во *Флоренции*.

Итак, мы видим, сколько занимательных историй связано с названиями предметов, получивших свое наименование по месту, где эти предметы изготовлены, или по месту, где они были распространены.

Называние предметов по различным внешним признакам

Некоторые животные и растения названы по чисто внешним признакам, по виду, по впечатлению, которое они производили. Так, слово *лев* содержит в себе индоевропейский корень, означающий „ревущий". Почти такой же смысл и в славянском корне, легшем в основу слова *бык*. Оно, как и *букашка*, связано со старым *бу́кати* — нудно гудеть, шуметь.

Латинское название виноградной лозы *vitis (ви́тис)* означает „вьющийся". Однокоренное с ним название напитка из винограда, которое римляне заимствовали у греков, стало звучать *vinum (ви́нум)*.

Славяне и германцы, приняв из латыни название напитка из винограда, с его помощью обозначили и растение, из плодов которого приготовляют этот напиток. Так появилось у нас слово *виноград*, у немцев — *Weintraube (вайнтра́убе)*, что значит дословно „винная гроздь".

Есть еще одно растение, которое названо разными народами по тому признаку, что оно вьется. Это бобовая кормовая трава *вика*. Название ее образовано у нас от корня *вить*. Латинское название этой травы *vicia (ви́ция)* — от родственного ему латинского корня с тем же значением *вить*.

Внешний признак избран и в научном названии одного из семейств живого мира — *насекомые*. У насекомых на туловище своеобразные *насечки*, их тело разделено на членики. По этому признаку в латинском языке они были названы *insecta (инсэ́кта)*, что затем и было переведено как *насекомое* (не совсем точно: надо бы *насеченное*).

Еще кое-что о названиях

Нельзя говорить о каких-нибудь твердых правилах, когда прямо называют признак предмета в его наименовании. Но все же в некоторых случаях можно отметить интересные совпадения.

Очень часто в технике предмет называют по тому действию, которое он должен выполнять — по существенному для

называющего признаку этого предмета, по его сути.

Обычно такие слова образуются прибавлением к корню, обозначающему действие, суффиксов ***-тель, -к-*** и подобных. Многие слова, обозначающие орудие действия, деятеля, образуются с латинскими и греческими корнями (эти языки в средние века были языками научных и технических сочинений, и их слова стали международными техническими терминами), например: ***-ор:*** *мот**ор***, *рот**ор*** [от *roto (рóто)* — вращаю], *стат**ор*** [от *sto (сто)* — стою].

Это же относится и к названиям помещений по их назначению. В русском языке наиболее распространенные суффиксы таких слов ***-н-, -ник*** (помещения, предназначенные для животных: *овчарня*, *свинарник*, *коровник*). Правда, и здесь много названий с латинскими и греческими корнями и суффиксами, например: *лаборатория* [от *laboro (лабóро)* — тружусь], *аудитория* — зал для слушания [от *audio (áудио)* — слушаю], *обсерватория* [от *observo (обсéрво)* — наблюдаю; в обсерватории наблюдают за звездами].

Эти названия, конечно, могли давать предметам только т е, кто сам создавал или начинал применять те или иные предметы. Названия как бы рождались в процессе труда. Естественно, что это же относится и к названиям, возникшим по способу изготовления предметов. Названия по происхождению предметов, разумеется, связаны с торговлей, с культурным обменом между наро-

дами. А вот названия по внешнему виду вещей давались, очевидно, тогда, когда люди лишь сталкивались с предметами и явлениями, но сути их еще не познали и внешние признаки были, собственно, основными. Впрочем, не всякий признак, не всякую суть и назначение легко определить одним словом, гораздо легче сравнить или сопоставить их с чем-нибудь. Но об этом — в следующем разделе.

Многие слова, прямо называющие предмет по признаку, представляют из себя слова со специальными суффиксами. Но хотя слова эти и называют предметы, суффиксы у них не всегда являются суффиксами имен существительных.

Так, в слове *мороженое*, которое называет предмет по способу приготовления, суффикс причастия. Признак действия (как известно, причастие обозначает признак предмета, связанный с действием) стал представителем предмета. Поэтому и причастие стало именем существительным.

Таких примеров можно привести очень много. *Дежурный*, *часовой*, *столовая* — это все слова, обозначавшие поначалу основной признак (для данного случая) человека, помещения (его назначение) и ставшие теперь своего рода представителями предмета.

Проходит время — и признак, по которому предмету дано название, может исчезнуть. Так, например, еще до Октябрьской революции типографские машины, называемые *американками*, на-

чали производить в России; в разных странах выведены породы *индюшек*; и страна, из которой они впервые завезены, вовсе не называется теперь Индией, а названия остались, потому что они перестали указывать на признак, а стали представителями предмета.

Очень недолго живет в сознании говорящего признак как указание на предмет. Его заменяет простая связь звучания и предмета. И слово *вино* — название продукта по материалу [латинское *vinum* *(вйнум)* — виноградное] — теперь означает просто плодовый алкогольный напиток. *Вино*, название которого по происхождению своему означает „виноградное", может быть яблочным, сливовым, вишневым и т. д.

Благодаря связи звучания и значения мы можем пользоваться словами, не зная их происхождения, не зная, как и чем они мотивированы.

СРАВНЕНИЯ И СОПОСТАВЛЕНИЯ. НАЗВАНИЯ — МЕТАФОРЫ И МЕТОНИМИИ

Представитель предмета — представитель признака

Не всякий признак легко определить. Часто легче установить какое-то сходство между предметами. И люди, как поэты, пользуются худо-

жественными приемами — метафорой и метонимией.

Метафора — это перенос значения, основанный на сходстве, т. е. перенесение на данный предмет (явление) характерных признаков другого предмета (явления), схожего с ним отдельными чертами или сторонами. Название предмета становится представителем определенного признака предмета, и по этому признаку называется другой предмет.

Великий русский языковед А. А. Потебня рассказал о том, как происходит подобное называние предмета: „Я указываю начинающему говорить ребенку на круглый матовый колпак лампы и спрашиваю, что это такое... На мой вопрос он отвечает: „арбузик“. Тут произошло... сравнение познаваемого с прежде познанным. Смысл ответа таков: то, что я вижу, сходно с арбузом.

Назвавши белый стеклянный шар арбузом, ребенок не думал приписывать этому шару зеленого цвета коры, красной середки с таким-то узором жилок, сладкого вкуса; между тем под арбузом в смысле плода он разумел и эти признаки. Из значения прежнего слова в новое вошел только один признак, именно шаровидность“.

Названия, вроде *арбузик* для лампы, дети придумывают постоянно. Одна моя знакомая девочка, увидев яркий китайский зонтик, назвала его *шарфиком*, а научившись высасывать из кости *мозг*, стала называть *мозгом* и начинку в конфетах. Этот способ называния по сходству с

предметом, который первый приходит в голову для обозначения бросившегося в глаза признака называемой вещи, очень распространен в языке.

Названия предметов, возникшие в связи с внешним сходством между предметами

Слово *сахар*, служащее для называния кристаллического сладкого вещества, относящегося к углеводам, по происхождению не означает „сладкий“. На древнеиндийском языке *sakkhara (са́кхара)* означало „щебень“, „крупный песок“. Древние европейцы почти не знали сахара, так как из свеклы его стали делать совсем недавно, а сахарный тростник в Европе не растет.

Те из индоевропейских племен, которые добрались в своих передвижениях до Индокитая, назвали сладкое сыпучее вещество песком — *sakkhara (са́кхара)*. Когда торговцы привозили сахар другим народам, то вместе с товаром приходило и иноязычное название продаваемого продукта. Так появились *ша́кар* — у персов, *ше́кер* — у турков, *су́ккар* — у арабов.

Во время крестовых походов сахар привезли в Европу. И на этот раз вместе с продуктом пришло и его название, уже арабское, от которого ведут свой род греческое — *sakharon (са́кхарон)*, французское — *sucre (сюкр)*, английское — *sugare (шу́гэ)*, немецкое — *Zucker (цу́кэр)*, наше — *са́хар*, украинское — *цу́кор*.

Кстати, и мы один из видов сахара называем песком *(са́харный песо́к)*.

Очень часто самые разные растения по сходству их плодов с яблоками получают название *яблоко* (с указанием, какое это яблоко).

Так произошло, например, во многих языках с картофелем.

Картофель в нашей стране появился только в начале XVIII века. В Западной Европе его узнали вскоре после открытия Америки Колумбом, с XVI века.

На родине картофеля индейцы называли его *patata (пата́та)*. Такое название приняли и испанцы, первые колонизаторы Америки. Немного на свой лад переделали название англичане — *potato (потэ́йто)*. У нас наименование картофеля — *патата* иногда упоминается в книжках об индейцах.

Другие народы стали называть привозной овощ по внешнему его виду. У французов картофель — *pommes de terre (пом де тэ́р)*, что значит „земляные яблоки", „яблоки земли". Так одно время называли картофель и у нас. В 1765 г. в Петербурге вышла книга о картофеле под названием „Наставление о разведении *земляных яблок*, *потетес* именуемых". Здесь, как видим, явное сопоставление картофеля и яблока по внешнему виду.

Итальянцы называли картофель „земляным грибом" — *tartufolo (тарту́фоло)*. Из итальянского языка *tartufolo (тарту́фоло)* пришло к нам как название земляного съедобного гриба округлой формы, растущего под землей без корня и ствола, — *трюфель*. А с названием картофеля вышло иначе. Немцы, заимствовав у итальянцев это

слово и несколько изменив в нем звуки, стали говорить *Kartoffel* (*картóфель*).

Так говорили и получавшие немецкое образование русские, украинские и белорусские помещики. А от них переняли это слово крестьяне, которых заставляли сажать заморский плод. Только они придали слову более простое, привычное для русского уха оформление — *картошка*.

Русские крестьяне нашли для картофеля и другое имя. Как и французам, им он тоже напоминал яблоки. Но так как картофель сажать заставляли насильно, его звали *чертовы яблоки*. Зато помидоры, видимо, за их красивый вид, называли *боговы яблочки*. Здесь тоже видно сопоставление плодов по форме, т. е. использование метафоры при назывании предмета. *Помидор* — слово, заимствованное нами у итальянцев — *pomid'oro* (*помидóро*), что значит „золотые яблочки". Другое название помидора — *томат*, заимствовано нами у французов — *tomate* (*томáт*), которые в свою очередь получили его у мексиканцев — на родине помидоров.

Еще один плод назван яблоком — *апельсин*. Это слово заимствовано нами у голландцев. На голландском *appelsien* (*апельсиен*) означает „китайское яблоко": *appel* (*áпел*) по-голландски — яблоко, *sien* (*сúен*) — китайский. Впервые в Европу привезли апельсины из Китая португальцы в XVI веке. У болгар апельсин, так же как и у турок, поскольку его привозили из Португалии,

называется *портока́л* (название по месту, откуда привозят).

Персики тоже назвали яблоками и тоже по месту, откуда их привозили. Само слово — из латинского языка. Латинское *malum persicum (ма́лум пе́рсикум)* означает „персидское яблоко“.

Яблоком — точнее *медовым яблоком* — называли даже *айву*, по-гречески *melimelon (мелиме́лон)*. В латыни айва называлась *melimelum (мелиме́лум)*. Позднее через португальский — *marmelada (мармела́да)* — и французский — *marmelade (мармела́д)* — это слово пришло к нам как название варенья из айвы, а затем и нашего мармелада — яблочного, сливового и т. п.

Часто по внешнему виду предметы сравнивают с членами человеческого тела. По тому, например, признаку, что они выступают вперед, название *нос* получили и мыс и передняя часть судна. Есть *носик* и у чайника. *Носок* — так называем мы теперь короткий чулок. Но еще сохранилось выражение — *подняться на носки*. Когда-то слово *носок* означало передний конец обуви или чулка.

Приблизительно то же произошло и со словом *уши*. *Уши* есть и у кастрюли, и у суповой миски, и у *ушата*. Основной признак, по которому *ушат* назван, в том и состоит, что у него есть уши. Некое сходство с ушами есть и у макаронных *ушек*. Есть *ушко* — отверстие, в которое протаскивают нитку, — и у иголки. У многих других народов ушко иголки называют *глазком*. Здесь тоже наблюдается сравнение, метафоричность названия.

Названия предметов, возникшие в связи со сходством назначения предметов

Если предмет имеет некое назначение, то его можно назвать именем предмета с подобным же назначением, выполняющего схожую работу.

Многочисленные метафоры связаны с названиями частей человеческого тела. Это и понятно, так как предмет для сравнения всегда рядом.

Что такое *ручка*? Если заглянуть в какой-нибудь солидный торговый прейскурант (список цен на товары), то можно узнать, что в нем ручка называется вовсе не *ручкой*, а *перодержателем*. Это название по назначению.

Ручка служит для держания пера, и название *перодержатель* дано ей по функции.

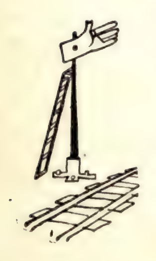
А что еще выполняет подобную же функцию? Рука.

Чем держат?

Конечно же, рукой.

Ручка заменяет *руку*, делает ее дело, исполняет ее функцию и поэтому, вполне естественно, носит ее имя. Только вследствие малости предмета имя его уменьшительное — *ручка*. В отличие от *перодержатель* это название метафорическое — по выполняемой работе, по функции.

Название верхней конечности человека приобрело в различных языках много значений. Так, английское слово *hand (хэнд)* означает кисть руки, переднюю лапу, рабочего (сравните наше выражение — *рабочие руки!*), сторону (и у нас тоже говорят *по правую руку*), а также почерк, стрелку

часов, крыло семафора. А уменьшительным *handle (хэндл)* называют и ручку и рукоятку.

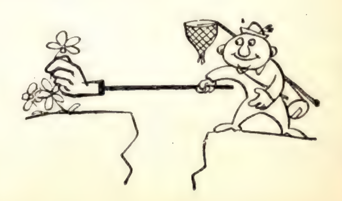
Немецкое *Hand (ханд)* означает не только кисть руки, но и почерк, и сторону, и рабочие руки. Французское *main (мэн)* — это и кисть руки, и лапа, вообще хватательный орган животного, и почерк, и скоба, и рабочие руки; а *manivelle (манивэ́ль)* — это рукоятка, ручка. Последнее слово образовано от глагола *manier (манье́)* — двигать рукой.

В латыни слово *manus (ма́нус)*, обозначавшее руку, также имело, кроме основного, очень много дополнительных значений: хобот слона, абордажный крюк, творческий почерк, умение воевать, кулак, власть, сила и прочее.

Но вернемся к русскому языку. У нас слово *рука* имеет все те значения, которые мы нашли и в других языках, правда, кроме некоторых значений латинского слова.

Чем же объяснить это многообразие значений? В конечном счете тем, что какой-нибудь предмет, получивший название, связанное со словом *рука*, исполнял и исполняет то, что делает человеческая рука. Так как рукой можно схватывать и держать, вполне естественно возникновение названия *ручка*. Рукою показывают, поэтому *рука* может означать „сторона", *рука* — стрела. Вспомните указатель в парке. Его часто изображают в виде руки, указывающей направление. И, наконец, о руке судят по результатам работы: *умелые*, *золотые руки* рабочего, *легкая*

рука хирурга, *твердая рука* — характер или почерк.

А возьмите, например, слово *голова*, которое обозначает верхнюю часть тела человека, состоящую из черепной коробки и лица. Это слово приобретает несколько значений в связи с использованием его как метафоры.

Голова — это умный, с большим умом человек.

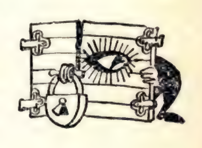
В дореволюционной России словом *голова* называли руководителя некоторых выборных органов, а также военные и гражданские звания, включавшие в свой состав слово *голова*. Вспомните произведения русских классиков или исторические романы советских писателей. В них вы найдете такие выражения, как *городской голова*, *казачий голова*, *сотенный голова*.

А раскройте замечательную, полную поэзии повесть Н. В. Гоголя „Майская ночь, или Утопленница“. В числе действующих лиц этого произведения выступает *голова* — „важное лицо на селе“. Это о нем парубки (молодые парни) пели шуточную песню. В этой песне обыгрываются разные значения слова *голова* — верхняя часть тела человека — и должностное лицо.

Хлопцы, слышали ли вы?
Наши ль *головы* не крепки!
У кривого *головы*
Вдруг рассыпалися клепки.
Набей, бондарь, *голову*
Ты стальными обручами!
Вспрысни, бондарь, *голову*
Батогами! батогами!

Слово *голова* (в своей старославянской форме *глава*) в наши дни может употребляться в значении „руководитель“. Довольно часто вы можете прочитать в газетах и книгах выражения *глава государства, встреча глав государств.* На украинском языке председателя колхоза называют *голова колгоспу.*

При рождении новых значений от слова *глаз* (уже после того как оно перестало быть названием блестящего круглого камня) играли роль и форма человеческого глаза и его назначение — смотреть, видеть. Поскольку глазом смотрят, появляется значение *глаз*, т. е. надзор *(за ним глаз нужен)*. От формы — *зеленый магический глаз* радиоприемника (для оптической настройки), *глазок* — почка на ветке, на прорастающей картофелине, кроме того, *глазок* — пятно, *глазок* — отверстие, через которое смотрят.

Плечи — это и то, что поддерживает, и часть рычага; но ведь наше человеческое плечо и есть часть рычага; плечо подставляют, если надо что-то поддержать.

Спина. Есть выражение *ударить в спину*, т. е. сзади, употребляемое переносно. А *спинка стула* — это то, обо что опираются люди, когда сидят на стуле, диване, подобно тому, как *ручка дверей* — то, за что держатся.

Точно так же новые дополнительные значения имеют слова *затылок, грудь. Затылок* — от корня *тыл*. Когда-то слово *тыл* значило „задняя часть шеи“, „затылок“. Затем оно приобрело значение „задняя сторона чего-то“.

Теперь слово *тыл* мы чаще встречаем в рассказах о войне — *тыл войск, фронта.* Кстати сказать, *front (фронт)* по-французски означает лоб, чело, лицо и потому — перед.

Слово *ноги* означает не только нижние конечности, но еще и опору, отсюда *ножка стула, стола, ножка гриба, цветка.*

Больше новых значений, естественно, приобрели те названия частей человеческого тела, которые чаще всего находятся в действии. И чем многочисленнее и разнообразнее их действия, тем больше у них значений. Поэтому у нас на первом месте по числу и разнообразию новых значений стоит *рука*, которая работает много и разнообразно, причем подобные ей действия обычно выполняют и машины и приспособления.

С тех пор как были созданы электронно-вычислительные машины, которым человек передает, поручает некоторые работы своего *мозга*, во многих языках появилось и, видимо, укрепится выражение *электронный мозг.*

От птичьего *крыла* по сходству функций названо *крыло самолета*, по несколько иной связи — прикрывать — *крыло автомобиля.*

По сходству функций *электрическая лампа* названа тем же словом, что называлась до нее у нас *керосиновая лампа.* А вот уже *радиолампа* названа по сходству с электрической. Примеров метафор по функции, как и по внешнему сходству, можно привести очень и очень много.

Названия качеств, возникшие в связи со сходством вызываемых ими ощущений, чувств, оценок

Если предмет называют иногда по сходству с другим предметом, то качество — по сходству с другим качеством. А сходство качеств выражается часто в их оценке нами, в нашем их ощущении.

Может ли, например, быть *злая дорога?* Ведь *злой* — это сердитый, недовольный, а главное — желающий зла другим. Это качество может быть у человека, зверя — живого существа, но уж никак не у мертвой бесчувственной дороги. И все же в западных областях Украины слово *злой* употребляют, когда хотят сказать плохой, нехороший и о неживом предмете. Здесь метафора по сходству ощущений. Говорят *злий шлях (злый шлях), зла дорога*, имея в виду плохую дорогу.

И это легко объясняется сходством ощущений и оценок.

Что такое зло? То, от чего плохо. Очень трудно отделить эти два понятия одно от другого. Сделать кому-нибудь зло — значит сделать ему плохо. Противоположное злому — доброе. Недаром, когда говорят *добрый*, то часто подразумевают *хороший. Добрая земля* — это хорошая земля.

Язык соединил воедино представления хороший и добрый, злой и плохой.

Другой пример называния по сходству ощу-

щений и оценок — слово *красный*. Красный в русском языке обозначает цвет. Но только выражение *красный молодец* обозначает, разумеется, не молодца красного цвета. *Красная девица* тоже, конечно, девушка не красного цвета, а *красивая* девушка.

Семья у слова *красный* оказывается очень обширной. Здесь и *краса*, и *красота*, и *красавец*, а с другой стороны, *краснеть*; как бы посредине стоят слова *краска*, *красить* (старое значение последнего слова очень понятно в выражении *горе не красит*). Вполне понятно: *краснеть* значит „становиться красным". Но причем здесь *краса* и *красавец?*

В древнерусском языке слово *красный* означало только красивый. О цвете в Древней Руси говорили *червленый* или *червонный*. „*Червленые щиты*" упоминаются в „Слове о полку Игореве", „*червонное золото*" — на куполах киевских соборов. Слово *червоний (червóный)* и сейчас сохранилось в украинском языке для обозначения красного цвета.

Червонный от слова *червь*. Так как красную краску делали из особого вида *червей*, то ей и дали название, раскрывающее происхождение. Связаны между собой *сирень* и *сиреневый*, французское название сирени *lilas (лиля́)*, и слово *лиловый*, *малина* и *малиновый*, *роза* и *розовый;* французское название соломы *paille (пай)* (в средние века оно звучало *паль*) дало *палевый*, *корица* — *коричневый*.

Но вернемся к происхождению современного значения русского слова *красный*. Яркий крас-

ный цвет производил большое впечатление, привлекал глаз. У многих народов красный цвет считается самым красивым, самым приятным, хорошим. Так было и у наших предков. Поэтому слово *красный* соединило в себе оценочное и цветовое значения.

Индоевропейский корень, от которого у славян образовано слово *красный*, вызывал представление о пламени. Так что сначала огненный цвет был избран как признак наиболее красного (красивого), а затем краса была приписана червонному цвету, который и был назван красным.

К мраку, черному, темному, в отличие от красного, народ издавна относился с боязнью и недоверием. *Черные, темные дела*, просто *чернь, мрачный вид* — это все вещи плохие.

Ясно видно из употребления слов в нашей речи, насколько приятен или неприятен был людям цвет. *Черная доля* — злая доля, плохая. И наоборот, *красная* — добрая, хорошая.

Значение незрелости придано слову *зеленый*.

Широко известен такой шуточный рассказец.

Иностранец подходит к продавцу ягод.— Что продаете? — *Черную смородину.*— А почему ж она *белая?* — Потому что *зеленая.*

Кстати сказать, если иностранец был англичанин, то, вспомнив слова своего языка, он, пожалуй, догадался бы, в чем дело. *Зеленый* — *green (грин)* — и у англичан означает незрелый, молодой. Роман А. Кронина „Юные годы" в оригинале называется „*Green Ears*" *(грин ез)* — „Зе-

леные годы“. Видимо, в связи с тем, что незрелые плоды зелены, во многих языках слово, обозначающее зеленый цвет, стало значить зеленый, молодой, незрелый. В других языках это же случилось со словом *желтый*.

Цвета близкие, и даже названия их образованы у нас от одного корня, в котором когда-то было первым слогом *гел*, ставшее потом в одних случаях *жел*, а в других *зел*, а в третьих даже *зол*. Ведь *золото* означает „блестяще-желтое“.

Если вернуться к словам *хороший* и *плохой*, то окажется, что *хороший* в родстве со словами *хоробрый*, *храбрый*. Зато *плохой* одного корня с *полохливый* и *переполох* — тревога.

Французское *brave (брав)* значит и хороший, и смелый, и добрый, и даже веселый, приветливый. От итальянского *bravo (бра́во)* — храбрый, смелый, искусный — и похвала в концерте: *bravo! (браво!)*.

Пересечения значений слов, называющих разные качества — цвет, вкус, характер, со значениями слов *плохой* и *хороший* — интересный рассказ о взглядах и вкусах народа, о его вековом опыте и вековой мудрости.

Хорошо — тепло, мы говорим — *теплые слова*, плохо — холод, есть выражение — *холодная встреча*. *Дурной* — это не только глупый, но и нехороший. Худобу́ — символ болезни, истощения — народ превратил в обозначение вообще плохого; *худой* может обозначать также плохой.

Названия, выражающие оценку предмета

Этот случай очень близок к описанным в предыдущем разделе. Разница только в том, что там по сходству переносилось название с качества на качество. Здесь же название переносится с предмета — носителя качества — на другой предмет, указывая при этом на сходную оценку. Огромный, но молчащий радиоприемник могут назвать словами *гроб*, или *телега*, или даже *дурак*. Это образная характеристика, сравнение.

Интересны образные характеристики людей. Неповоротливого, например, называют медведем, жадного, злого — волком, хитрого — лисой. Это все звери, о которых наши предки имели очень конкретное представление. Птичкам и рыбам — маленьким и смирным, величественным и смелым — повезло: *птичка*, *голубка*, *рыбонька*, *сокол*, *орленок* — это все ласкательные или похвальные названия.

В литературной речи высоким было сравнение с соколом, орлом, а во времена „Слова о полку Игореве“ и с туром — диким быком.

Домашним животным, прирученным, покоренным людьми, почти всем — и корове, и курице, и козлу, и барану, и даже верной собаке, упрямому ослу, и покорной овце — пришлось худо. Иное дело — лев, барс и прочие, известные только из книг чудо-звери.

Не только среди животных, но и в растениях народ выделял то, к чему определял свое

отношение. Могучий, сильный — *как дуб*, нежная — *как яблонька*, тонкая — *как березка*. Это все хорошее. Сила дерева, его мощь были даже признаком, породившим слова *здоров*, *здоровый*, *здоровье*. Слово *здоров* означает „подобный дереву по высоте и крепости". Недаром ведь *здоровый* значит еще и большой. Подобно этому латинское слово *robur (ро́бур)* означает дуб, дерево, а *robustus (робу́стус)* — крепкий, высокий, здоровый. Значение „крепкий", „здоровенный" и у потомка латинского *robustus (робу́стус)* — французского слова *robuste (робю́ст)*.

Заметили люди, что огонь быстро все пожирает, огонь — жар. В связи с этим стали говорить об *огневых людях*, *о работе с огоньком*, *с жаром*.

Интересна история слова *парта́ч* — крайне низкой оценки деловых качеств работника.

Не каждый у нас знает это слово. Оно распространено больше среди русских, живущих на Украине, которые заимствовали его из украинского языка. *Партачо́м* называют того, кто плохо делает свою работу, о нем говорят: *работает как партач*, *партачит*.

Часто пишут *портач*, считая, что это слово одного корня со словом *порты́*.

Но портной шьет ведь не только порты, т. е. мужское белье, штаны. Он шьет всякую одежду. Просто в довольно давнее время одежду, кроме очень уж парадной, шили из

пóрта. Пóртом называли грубый, домотканый холст. От названия холста и шьющий из него стал именоваться *портной*, а кусок холста стали называть *портянкой*, и все сшитое из него — *порты*, поначалу просто одежда („*порты* своя с плеч спущаще“ — писал в XVII веке патриарх Никон).

В одной из древнейших русских летописей, в Лаврентьевской, написанной в 1377 году, сказано: „В се же лѣто рекоша дружина игореви ѿтроци свѣньлъжи изодѣли сѧ суть ѿружьемъ и *порты* а мы нази“ (в переводе это значит: „В этот год сказали дружинники Игоревы: „Воины Свенельдовы получили оружие и одежду, а мы наги“).

Итак, *портной* не тот, кто шьет только штаны, а мастер, который шьет одежду вообще, не обязательно плохую. Но не очень похоже на правду, что слово *партач* обозначало того, кто шьет из *порта*.

Более вероятно другое толкование слова *партач*; материалы для этого толкования дают архивы, старые документы, акты и т. д. Так, львовские архивы, например, сохранили точные сведения о *партачах*, жалобы *партачей*, решения городского управления об их правах, запрещения *партачам* выполнять многие работы.

Это было в XVI—XVII веках. Во Львове, как и во многих городах Европы, в том числе Польши и Украины, существовали цехи ремесленников. Только члены цеха, ремесленники, принятые в цех, получившие звание мастера,

знатока своего дела, имели право на выполнение самостоятельных работ, на открытие собственных мастерских. Чтобы стать мастером, надо было учиться. Будущий член цеха был сначала учеником, затем помощником, подмастерьем. Когда мастер считал, что подмастерье достаточно выучился, он приказывал ему сделать главное, лучшее произведение — *шедевр* или *штуку*. *Chef d'œuvres (шедёвр)* значит по-французски „глава трудов, произведений“. Отсюда, кстати сказать, и наше современное значение слова *шедевр* — первоклассное произведение искусства.

Но не всегда шедевр удавался, не всегда мастера признавали подмастерье достойным стать членом цеха. В этом случае разрешали ему работать отдельно от цеха, не имея цеховой вывески. Уже одно это было ограничением, свидетельством того, что мастер плохой. Не могли входить в цех также выходцы из сел, люди иной национальности и т. д. Все они работали, иногда очень хорошо, но всегда „в стороне“ от цеха, вне его, лишенные прав и обязанностей членов цеха.

В цеховом управлении все документы писались на латинском языке. „На стороне“, „в стороне“ звучало в средние века по-латыни *a parte (а пáртэ)*. Тот, кто работал *а пáртэ*, в стороне от цеха, и назывался *партач*. А его мастерская называлась — *партацка робота*.

Партач вовсе не обязательно был плохим мастером, но всегда им считался. Борьба партачей за свои права против богатых цеховых ма-

стеров — одна из интересных страниц истории польских и украинских городов в прошлые века.

В словарике XVII века, переводившем украинские слова на русский, слово *партач* переведено „белохудожник“. *Художник* в те времена значило „ремесленник“, а *белый* (ср., например, *белые крестьяне*) — незарегистрированный, неприписанный, не подлежащий законам, вольный, свободный. Итак, партач — свободный, не входящий в цех ремесленник.

Партачи были там, где были цехи. А цехи, да еще такие, в которых все документы писались по-латыни, были, как правило, в городах западной части нашей страны, в частности на западе Украины. Поэтому слова *партач* не было в русском языке, его знают в основном в районах, близко прилежащих к Украине. Есть это слово и в польском языке.

Почему же слово *партач* приобрело столь отрицательное значение? Потому ли, что партачи плохо работали? Нет, скорее потому, что в его оценку было внесено то отношение к партачам, которое рождалось борьбой между цеховыми и нецеховыми ремесленниками.

Подобные превращения произошли и с другими названиями различных социальных групп. Славянское название жителя села сохранилось в украинском — *селянин*. Наше название — *крестьянин* — происходит от времени, когда все жители сел стали *христианами*. До того они были язычниками. По-латыни *пагус* значит „село“.

Название сельских жителей, долгое время державшихся язычества, во многих европейских языках оказалось связанным с этим словом. И жителей села, дольше всех державшихся после крещения Руси за язычество, также называли *поганами*, что по-латыни *(paganus)* значило язычник. Так слово *поганый* получило отрицательную оценку в результате презрительного отношения к язычникам, а затем бар к крестьянам.

Французское слово *vilain (вилэ́н)*, обозначавшее первоначально жителя села, человека низшего сословия, со временем стало значить — нехороший. В немецком языке *hübsch* (хюбш) — красивый — значило первоначально „присущий двору".

Как возникает метафора?

Судя по тому, что говорилось о прямом назывании признака, может показаться, что, обозначая предметы, связанные с производством, к метафоре прибегают редко. Ничего подобного. Метафора — очень распространенный способ создания новых названий. Ее преимущество в том, что рождение названия — метафоры не требует проникновения в суть предмета, оно происходит уже при самом беглом знакомстве с ним. Поэтому дети незнакомые предметы чаще всего называют метафорически, а толкуя слова, напротив, исходят из прямого называния признака. Если прямое наименование по существенному при-

знаку требует сознательного анализа, то языковая метафора возникает в нашем сознании стихийно.

Метонимия, или называние по смежности

Метонимия (в переводе с греческого — *metonymia* — переименование) — замена названия одного явления, понятия или предмета другим названием, неразрывно связанным в нашем сознании с представлением о явлении. Это своего рода изменение названия по смежности — по близости двух разных предметов. Особенно наглядно метонимия проявляется в следующем примере. Когда вы рассказываете о каком-нибудь хорошо известном вам писателе и прочитанных вами его произведениях, то говорите, что вы „*читали Гайдара*“ и „*учили Маршака*“ вместо того, чтобы сказать „*читал повесть Гайдара*“ или „*учил стихотворение Маршака*“. Это связано с тем, что в нашем представлении неразрывно связаны автор и написанное им произведение.

В романе „Евгений Онегин“ А. С. Пушкин, вспоминая лицейские годы, пишет:

Читал охотно *Апулея*, —

и мы понимаем, что поэт читал *книгу* „Метаморфозы“ римского писателя Апулея.

В другом произведении, хорошо известном вам, в поэме „Медный всадник“ А. С. Пушкин писал:

Все *флаги* в гости будут к нам.

Читая эту строку, мы понимаем, что она означает: Петербург станет центром морской торговли, корабли разных стран (национальный флаг — символ страны) придут в этот новый порт.

Подобных примеров можно привести очень много. Часто, употребляя те или иные выражения, мы даже не замечаем, что пользуемся приемом метонимии. Давайте рассмотрим возникновение одного из таких выражений. Во время рассказа о посещении выставки картин ваш друг говорит вам: „На стене висел *пейзаж*". Что же такое *пейзаж? Paysage (пейзáж)* — французское по происхождению слово, означающее „вид местности". Но в нашей фразе пейзаж — картина, висящая на стене. Невозможно уместить на стене настоящие горы, равнину, реки, дома, деревья. И все-таки пейзаж может висеть на стене. Собственно, не самый пейзаж, а его изображение. Но говорят-то — *пейзаж!*

В сущности, мы говорим не совсем верно, утверждая, что *пейзаж* висит на стене, и в то же время никто не поймет нас неправильно, никто не подумает, что на стене висят сами горы. Каждому ясно, что речь идет об изображении этих гор, равнины, лугов, деревьев.

Но если из только что включенного радиоприемника послышится: *Какой прекрасный пейзаж!*, то нельзя с уверенностью сказать, о чем шла речь, что, собственно, имелось в виду — картина или местность. *Пейзаж* может означать и самый пейзаж, т. е. вид местности, и его изображение. Итак,

изображение по смежности называется так же, как и то, что изображено. *Пейзажем* мы обычно называем картины, т. е. изображения пейзажа.

А *картина?* С этим словом произошло противоположное тому, что произошло со словом *пейзаж*. Слово *картина* сродни слову *карта*. *Картина* должна лежать на столе или висеть на стене. Но *картины* могут быть видны со взгорья, как и пейзаж. Это значит, что слово *картина* стало также означать вид.

Аналогичное происходит и со словом *вид*. Виды существуют в природе, и виды мы рассматриваем на картинке. Если говорят, что продаются *виды Львова*, то ясно, что продаются, в сущности, изображения этих видов. Опять мы говорим как будто об одном, а понимаем иное.

Еще один пример метонимии. Если нас слишком обильно угощают и мы отказываемся, ссылаясь на то, что уже *съели две тарелки*, это тоже не совсем казалось бы правильно. Съели то, что было подано в двух тарелках, то, что вошло в две тарелки. Но никому и в голову не придет заявлять: *Я съел содержимое двух тарелок*. Так как никто еще тарелок не съедал, то у нас не возникает никаких сомнений, что означает выражение *съесть две тарелки*.

Точно так же мы обходимся с чашками, которые *выпиваем*, и со стаканами. И в этом случае мы говорим, кажется, не то, что следует, но нас прекрасно понимают, так как, что́ именно съел или выпил, известно говорящим по обстановке или из предыдущего разговора.

— Пейте *кофе.*

— Спасибо, я уже *выпил два стакана.*

То же и с *пригоршней*, и с *горстью.* Слушаем мы тоже не звуки, а *музыку*, *рассказ*, *запись на пластинке.*

По смежности названы наименования приема пищи одинаково с названиями времени суток: *Завтрак (за утро)*, *полдник (пол дня)*, украинское *вечеря (вэчэ́ря)* — ужин *(вечерняя еда).*

По метонимии образованы многие названия мер. Слово *воз* в общеславянском языке обозначало средство передвижения. На украинском языке слово *віз (виз)* обозначает телегу, а в Сибири и других местах Российской Федерации можно сказать „*Я купил воз сена*“. Здесь *воз* стал мерой объема.

Мерой длины (дюйм) стало у сербов слово *па́лац*, соответствующее по значению нашему слову *палец.* И у нас существует условная мера на пальцы — *в палец толщиной*, так же как в древности мерой длины был *локоть.* Да и само *duim (дюйм)* в голландском языке первоначально означало „большой палец“.

Когда пахали поле, то, дойдя до конца его, плуг поворачивали, *верстали.* По расстоянию между поворотами плуга — верстами — стали определять расстояние вообще. Название расстояния от одного поворота плуга во время пахоты до другого стало названием меры длины. Промеривая дороги, расставляли через каждую *версту* особые *верстовые столбы.* Их тоже начали называть *верстами.* А потом так называли даже людей, пря-

мых, очень высоких, о которых говорили, что они *точно верста* (т. е. *верстовой столб*).

Своеобразной метонимией можно считать называние предметов по именам собственным: *брюки галифе* — по фамилии генерала, который носил такие штаны; пирожное, которое любил Наполеон, по имени императора.

Широкая шляпа, на манер той, которую носил один из руководителей борьбы за независимость испанских колоний в Южной Америке в начале прошлого века Симон Боливар, называлась *боливаром*.

Вспомните известные строки из романа А. С. Пушкина „Евгений Онегин", в которых поэт описывает времяпрепровождение своего героя.

Бывало он еще в постеле:
К нему записочки несут.
Что? Приглашенья? В самом деле,
Три дома на вечер зовут:
Там будет бал, там детский праздник.
Куда ж поскачет мой проказник?
С кого начнет он? Все равно:
Везде поспеть немудрено.
Покамест в утреннем уборе,
Надев широкий *боливар*,
Онегин едет на бульвар.
И там гуляет на просторе...

Кстати, по фамилии Боливара страна, за независимость которой он боролся, названа *Боливией*.

Почему возможны метафора и метонимия

Называние предмета с использованием метафоры и метонимии происходит по его, т. е. предмета, признаку. Только признак этот называется не прямо, а переносно. Слово называет предмет, имеющий такой же признак, какой мы определяем в называемом предмете. Если прямое называние признака — операция по характеру своему логическая, то метафорическое и метонимическое называние имеет психологический характер — это называние по ассоциации, т. е. называние, основанное на выявлении в нашем сознании связей между отдельными явлениями, предметами, благодаря чему за одним явлением или предметом следует, возникает в нашем сознании другое, так или иначе связанное с предыдущим.

Слово *ассоциация* латинского происхождения *(associare)*, что значит „присоединять".

НЕМОТИВИРОВАННОЕ НАЗЫВАНИЕ. ЗАИМСТВОВАНИЯ. ИЗМЕНЕНИЕ ЗВУКОВОЙ ФОРМЫ СЛОВА

Как происходит заимствование слов

До сих пор мы рассматривали, по каким признакам производится называние предметов, явлений в русском и других языках. Между тем в каждом отдельном языке называние не всегда

происходит по признаку. Ребенок назвал по сходству зонтик *шарфиком;* прямо называя признак — назначение, он назвал лопатку *копатка*. Но когда ему показали на лампочку и сказали *лампочка*, он не задумывался (и не мог задуматься), какой признак положен в основу названия. Связь звучания с представлением о предмете — основная форма существования слова в языке. На этой связи и основано заимствование тех или иных слов из одного языка другим. Немцу, который заимствовал латинское *vinum (вúнум)* [позже это слово зазвучало в немецком языке как *wein (вайн)*], было безразлично, какой признак заложен в этом слове, а важно, что виноградный напиток всегда называют таким словом.

Ни во французском, ни в английском, ни в других языках сло́ва, совпадающего по смыслу с нашим словом *интеллигенция*, еще полвека назад не было. Французы имели только близкое по смыслу слово, значившее приблизительно „люди умственного труда". Почти так же обстояло дело и у немцев.

Слово *интеллигенция*, образованное от латинских корней, появилось впервые в русском языке. Это связано с тем, что в России интеллигенции, в первую очередь разночинной, довелось в прошлом веке сыграть большую роль в истории нашей страны. Потребность в специальном слове, которое обозначало бы не просто людей умственного труда, а определенную общественную прослойку — *интеллигенцию*, ощутил именно русский народ.

Когда позднее потребность в таком слове почувствовали и другие народы, то использовали уже готовое слово, употреблявшееся в русском языке.

Перенимая у другого народа отдельные предметы, люди обычно перенимают и их названия. Это же касается и явлений и понятий, с которыми знакомятся те, кто их перенимает. Там, где в иностранных словах есть надобность, поскольку какой-то народ раньше создал или выработал определенные понятия, заимствования обогащают язык.

В последние десятилетия наблюдается очень много заимствований из русского языка в языках народов мира.

Вспомните, например, как быстро распространилось среди иностранцев в дни олимпиады в Инсбруке в 1964 году после победы наших спортсменов русское слово *молодцы*.

Особой формой заимствования являются кальки, т. е. перевод по частям слов или выражений, появившихся впервые в одном каком-то языке и созданных по его правилам. Так, выражение, обозначающее *мирное сосуществование*, в каждом языке является калькой русского выражения, определяющего внешнюю политику нашего государства, а *космический корабль* во всех других языках — калька нашего технического термина. Наоборот, хоть и по-русски сказанное выражение, определяющее политику поджигателей войны, *холодная война* — калька с английского *cold war (колд вор)*.

Заимствования из русского языка в другие языки

Каждый народ внес свой вклад в мировую культуру. И среди прочих свидетельств этого может быть самое яркое — присутствие слов его языка, связанных с той или другой областью науки, культуры и техники, быта, в языках других народов мира. Английские и голландские слова, которые употребляют многие языки, когда речь идет о море и о флоте, французские — названия одежды, мебели, литературных жанров, немецкие — технических деталей и приемов, латинские и греческие корни — в терминах множества наук, в словах, относящихся ко всем областям культуры,— все это рассказ о вкладе этих народов в мировую культуру.

Но обычно проходили десятилетия, а то и столетия, пока слово одного народа приживалось в языке другого, обретало право гражданства. С развитием общества, с усилением культурных связей между народами эти сроки сократились. И все-таки, немыслимая скорость, с которой в последние полстолетия распространяются по всему миру русские слова, не может не вызвать чувства гордости у каждого советского человека.

Одним из самых первых таких слов стало *Совет*. Хотя в каждом языке есть возможность его перевести, почти каждый язык принял его, когда речь идет о нашей стране: *Soviet Union* (*Со́вьет Ю́ньон*) — говорят англичане, *Union Sovié-*

tique (Юньо́н Совьети́к) — французы, *Soviet Union (Совье́т Унио́н)* — немцы.

Еще в 1919 году В. И. Ленин говорил в речи, посвященной основанию Коммунистического Интернационала: „Как редкость, пришел к нам один номер итальянской газеты „Avanti!“, органа Итальянской социалистической партии... До сих пор газета „Avanti!“ выходит под строгой цензурой. Но вот в этом номере, случайно попавшем к нам, я читаю корреспонденцию из партийной жизни какого-то местечка Кавриаго, — должно быть большого захолустья, потому что его нельзя найти на карте, — и оказывается, что собравшиеся там рабочие принимают резолюцию, выражающую сочувствие их газете за ее непримиримость, и заявляют, что они одобряют немецких спартаковцев, — а дальше идут слова, которые, хотя написаны по-итальянски, но понятны во всем мире: „Sovietisti russi“, — приветствуют русских „советистов“ и выражают пожелания, чтобы программа русских и немецких революционеров была принята во всем мире и послужила к тому, чтобы довести до конца борьбу против буржуазии и военного господства“[1].

Новый общественный строй, строй чудесного коммунистического будущего создает наш народ. И слова, родившиеся в процессе этого замечательного строительства, становятся достоянием всех языков мира.

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 28, стр. 459.

Каждый шаг социалистического строительства приносил новые слова, называвшие новое в общественной жизни нашего народа — *комсомол*, *колхоз*, *совхоз*, *коллективизация*, *ударник*, *соцсоревнование* и множество других. Они были приняты всеми народами, всеми языками или с русским звучанием, или в виде перевода. Мы можем гордиться, что наш народ дал миру слова социализма, многие термины марксистско-ленинской науки.

Мы же дали миру самое счастливое по быстроте своего распространения слово. Оно за один день вошло во все языки и было тотчас занесено в словари, хотя обычно, прежде чем попасть в них, словам приходится проходить долгое испытание в разговорной речи.

Это слово *спутник* — название нашего первого в мире искусственного спутника Земли. Все народы употребляют именно его. И даже больше. Форму нашего слова, русский суффикс его ***-ник*** газеты всего мира использовали, высмеивая первые неудачные запуски американского искусственного спутника Земли. Американский спутник называли *Spätnik (шпэ́тник)* — от немецкого слова *spät (шпэт)* — запоздалый, *flopnik (фло́пник)* — от английского *flop* (*флоп*) — падать[1]. А когда мы запустили свою ракету в

---

[1] По образцу нашего *прилуниться* создано французское *алюни́р*. И французские языковеды начали даже спорить, как надо будет сказать — *примарсился* или *приземлился на Марс*.

направлении Луны, за рубежом с суффиксом ***-ник***, по образцу слова *спутник*, смастерили новое слово, у нас почти не ставшее известным, *lunik* *(лу́нник)*; когда была запущена ракета на Венеру, французы назвали ее *Vénusik (Венюси́к)*, от *Vénus (Веню́с)* — Венера.

Русский суффикс ***-ник*** благодаря нашим спутникам стал настолько популярным, что с его помощью начали создавать новые слова. Даже американцы летающие лаборатории стали называть *labnik (ла́бник)*.

Спутник стало в Америке названием танца и прически, в Западной Германии — прически и папирос. Газета французской Коммунистической партии „Юманите-Диманш" начала печатать для детей приключения медвежонка по имени *Spoutnik (Спутни́к)*. Газета „Либерасьон" завела отдел „95 минут" (время обращения первого советского спутника вокруг Земли), в который отбирала любопытные сообщения со всего земного шара и печатала их за подписью *Spoutnik*.

Если несколько позже наряду с русским словом во многих языках для названия спутника вновь стали употреблять старый научный термин, которым в каждом языке и раньше обозначали астрономы спутники планет[1], то для наших, запущенных советскими людьми спутников, видимо, на вечные времена и у всех народов закрепилось слово *спутник*, значащее теперь

[1] Немцы, например, называют спутник тем же словом, что и оруженосца средневекового рыцаря — *Trabant (тра́бант)*.

„советский искусственный спутник Земли“. Американские же спутники в большинстве европейских языков называются теперь словом латинского корня — *satellit (сателлит)*.

Наша ракета со Стрелкой и Белкой в английских газетах называлась *dognik (дóгник)*, от слова *дог* — собака. Если перевести это слово на русский язык с нашим суффиксом, оно, пожалуй, будет звучать почти насмешливо — *собачник*. Но в английском языке ряд слов, в которых есть этот суффикс, другой — *sputnik (спутник)*, *labnik (лáбник)*, *lunnik (лýнник)*, *dognik (дóгник)*. ***-nik- (ник)*** стал как бы суффиксом для обозначения советского искусственного небесного тела. Отсюда *dognik (дóгник)* — это советское искусственное небесное тело, в котором помещены собачки.

Пока *спутник* самое счастливое из созданных русским языком слов, но можно быть уверенным, что он создаст еще немало таких же счастливых слов, ведь наш труд ежедневно вносит и в общественную жизнь, и в науку, и в технику всех народов множество новых, доселе неизвестных понятий.

Много русских слов заимствовали языки других славянских народов. Так, в болгарский язык в конце прошлого века, когда страна была освобождена от турецкого ига и оказалось, что в условиях тяжелого национального гнета язык не создал своих слов для обозначения многих понятий, было введено несколько тысяч понятных

и родных болгарам русских слов. После Великой Октябрьской социалистической революции многими русскими словами обогатились украинский и белорусский языки.

В языках народов бывших колониальных окраин царской России, куда только социализм принес промышленность и современную культуру, русские слова были использованы для называния связанных с новой жизнью понятий.

Интернационализмы и заимствования из других языков в русском языке

Такое слово, как *Совет* (пусть с немного измененным звучанием), есть почти во всех языках мира. Оно стало как бы интернациональным. Мы его с полным правом можем называть интернационализмом, т. е. словом, присущим языкам всех народов.

Языковеды часто замечали, что интернационализмами называют слова, которые, по сути, являются европеизмами и есть (как греческие и латинские слова) только в большинстве европейских языков. Русские слова советской эпохи, вошедшие в мировое обращение, — интернационализмы в гораздо большей степени.

Старые интернационализмы — это прежде всего слова, связанные с наукой и культурой, рож-

денные в греческом, латинском и арабском языках или от корней первых двух языков.

Если открыть словарь на букву *а* и отыскать слог *ал*, то найдем немало арабских слов. *Ал*, *аль* — у арабов артикль, вроде немецкого *der (дер)*, *die (ди)*, *das (дас)* и французского *le (ле)*, *la (ла)* или английского *the (зэ)*; артикль — частичка, которая ставится перед существительным, перед словом, называющим предмет. *Алгебра*, *алгоритм*, *алкалоиды*, *алкоголь*, *алхимия*, *альманах* — все это слова арабского происхождения.

Имя автора, написавшего книгу, и название этой книги родили слово *алгебра* и слово *алгоритм*. Написал эту книгу в девятом веке ученый *Альхваризм* (или *Альхорезми*), что значит „хорезмиец", „житель Хорезма", и назвал ее „Альджебр и альмукабала". В этой книге трактовалось решение уравнений двумя способами, по которым и была названа книга.

Способ *альджебр* — от арабского *джабараим чабара* (объединять разделенное) — и стал названием науки *алгебра*.

А прозвище автора *Альхваризми*, со второй частью которого спутали в средние века греческое слово *rithmos (ритмос)*, что значит „число" (отсюда, кстати, и наши слова *ритм* и *арифметика*), превратилось в *алгоритм* — название формулы для решения задач одного типа, уравнения, по которому решается определенная задача.

Химический термин *алкалоид* сохраняет в себе арабский корень. *Аль-кали*—щелочь. Этот же корень и в слове *калий*, названии одного из важнейших химических элементов. *Квалай* значит по-арабски „жарить, варить в тигле“. *Квали (кали)* представлял собой отвар, обладавший щелочными свойствами.

Альманах значит по-арабски „время“. Наше слово *альманах*—далекий потомок египетского *альменхьяка*—календарь. Оно пришло к нам через греческий, латинский, французский, немецкий языки.

Интересно, что у арабов слово, потомок которого наша *химия*,—индоевропейское. *Алхимия*—это *аль химия*—от индоевропейского корня, заимствованного арабами. Этот корень ***хем*** значил „черный“. Народ Египта звал свою страну словом *хéми*, что значило „черный край“. ***Хем*** свидетельствовало, что Египет—родина химии, „египетской науки“.

Да, у множества арабских слов—особенно названий химических элементов и математических формул—счастливая судьба. Они проникли во все языки мира как свидетельство большого вклада арабской культуры в важнейшие отрасли техники того времени, в основы средневековой науки. Даже если бы пропали все остальные свидетельства развития арабами математики, астрономии, химии, слова, заимствованные из их языка, неопровержимо говорили бы нам об этом, напоминали бы,

что арабские математики установили множество алгебраических правил.

О латинских и греческих заимствованиях мы уже не раз говорили. А с какими еще народами обменивался словами русский язык? Начнем с севера: у финских народов немало русских слов, а мы ряд названий, связанных с бытом севера, заимствовали у них. Многие слова бытового характера попали от русских в тюркские языки, а тюркские слова — к нам.

Множество слов греческого, латинского и тюркского происхождения пришло к нам через Украину. Ряд слов (итальянских и немецких) в средние века попал к нам через сербский, польский, чешский, белорусский языки. Во времена Петра I в русский язык проникло много голландских, немецких, французских, английских слов, связанных с промышленностью, мореходством, культурой.

Многие из этих слов прожили недолго. В них не было потребности. Передовые люди России всегда выступали против употребления иностранных по происхождению слов, если в них не было необходимости, если в русском языке были соответствующие понятные русские слова.

В. И. Ленин писал: „... К чему говорить „дефекты", когда можно сказать недочеты или недостатки или пробелы?

Конечно, когда человек, недавно научившийся читать вообще и особенно читать газеты, при-

нимается усердно читать их, он невольно усваивает газетные обороты речи. Именно газетный язык у нас однако тоже начинает портиться. Если недавно научившемуся читать простительно употреблять, как новинку, иностранные слова, то литераторам простить этого нельзя. Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов без надобности?“ [1]

Изменение значения слов при заимствовании этих слов из других языков

Очень часто при заимствовании тех или иных слов из одного языка другим языком наблюдается ограничение значения этих слов. Это происходит в связи с тем, что само заимствованное слово связывается в сознании говорящего, берущего его из чужого языка, с каким-то определенным явлением или предметом.

Вот небольшая история тюркского слова *диван*. Это слово обозначало мудрость, книгу — источник мудрости, сборник стихов, письменность, мудрый совет, собрание мудрецов, государственный совет — „совет мудрецов“. Несколько позже *диван* стало обозначать зал, комнату, в которой собирался государственный совет, зал для заседаний, естественно, очень красивый зал.

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 30, стр. 274.

Вспомните, сколько раз, читая известные во всем мире сказки „Книга тысячи и одной ночи", вы встречали выражения, в которых употребляется слово *диван* для обозначения совета. Гениальный немецкий поэт И. В. Гете, восхищенный поэтической культурой Востока, в первую очередь поэзией замечательного лирика Хафиза, создал ряд произведений, объединенных в цикле под названием „Западно-восточный диван". В данном случае слово *диван* употреблено со значением „сборник стихотворений".

У болгар и хорватов, ближайших соседей турок, *диван* — это уже не зал для заседаний, а комната для приема гостей. Когда слово продолжило дальше свой путь на Запад, к итальянцам и французам, — это уже и не комната для приема приглашенных, а мебель в этой комнате, — мебель, на которой принимают. От французов *divan (ди́ва́н)* и пришло к нам с этим значением слово *диван*.

А в польском *dywan (ди́ван)* означает ковер, т. е. то, что лежит на диване, чем покрывается мебель, которую мы называем *диваном*.

В русском языке есть два разных, хотя и одинаково звучащих слова *диван*. Одно, пришедшее прямо из тюркских языков и означающее „совет мудрых", „совет министров". Другое, прошедшее долгий путь через западные языки, обозначающее мягкую мебель для сидения и лежания.

А вот еще одна история.

Аркан по-турецки, татарски и башкирски значит веревка, канат. Но так как русским приходилось видеть аркан в руках татар и турок только в совершенно определенном употреблении, когда на аркане тащили скот, то в нашем языке это слово стало обозначать петлю для метания, лассо.

Любопытно ограничение значений слов *балык* и *изюм*, заимствованных нами у крымских татар, которые привозили эти предметы в русские земли для торговли. *Балык* в языке-источнике, т. е. в том языке, где оно появилось, значило „рыба вообще“ и прежде всего „свежая рыба“, а *изюм* — виноград, виноградная кисть. По-русски эти слова обозначают не совсем то же самое. *Балык* в русском языке — это особым образом приготовленная спинка рыбы, а *изюм* — не всякий виноград, а только сушеный.

Вот как объясняет это один из исследователей языка: „Значение обоих слов изменилось уже на русской почве, так как продукты эти мы получали из Крыма только в консервированном виде — без этого они не выдержали бы перевозки. Итак, татары продавали рыбу *(балык)*, а русские покупали именно *балык*, считая, что так называется только копченая рыба, потому что простая была для них просто *рыба*. Татары везли на продажу то, что для них было просто виноград *(изюм)*, русские же полагали, что это *(изюм. — М. Ф.)* есть именно сушеный, а не свежий виноград, т. е. такой, каким его покупали“.

Слово *сераль* — дворец на востоке у арабов — прямой родич слова *сарай*. Только *сераль* заимствовано нами около 300 лет назад из французского *sérail (серáй*, тогда *серáль)*, который, в свою очередь, взял его из персидского — *серай* — дворец. А *сарай* — из татарского, который также взял его у персов в значении дворец, но постепенно стал применять к названию заезжего двора, а затем и просто постройки, мало, видимо, отличающейся от наших сараев.

Наше *арбуз* заимствовано из языка татар, живших между Москвой и Казанью, татары получили его из персидского — *харбуза*. Украинцы называют *гарбузом* тыкву. У персов же *харбуза* обозначало дыню, а словом того же корня называют они и огурец. Все эти четыре овоща — бахчевые. Но ведь они разные.

Теперь отвлечемся от Востока.

На языке индейцев, населявших Канаду до колонизации ее европейцами, близко по звучанию к слову *Канада* называлась хижина или группа хижин. Европейские моряки, встречая индейцев, спрашивали: „Что это?“ — имея в виду страну, а индейцы отвечали, имея в виду свои поселки: „*Канада*“ — хижины. Отсюда и возникло название страны — *Канада*.

Английское *storm (сторм)* значит просто „буря“. Мы заимствовали это слово через голландский язык у моряков. У нас *шторм* только на море.

А вот вам и история русская.

Когда отбирали детей крепостных в помещичий хор — это делали обычно приглашенные

французы,—о тех, кто не подходил, говорили *chantera pas (шантра па́)*, т. е. „не будет петь“. Люди, которые слышали это, два слова восприняли как одно, обозначающее „плохой“, „никуда не годный“. Так появилось русское разговорное слово *шантрапа*.

Такое изменение значений слов при заимствовании становится возможным потому, что здесь название основано на совпадении звучания слова и связываемых с ним представлений, возникающих в момент общения с иностранцами. Поэтому такие изменения очень часты при устных заимствованиях (на слух), но редки при заимствовании через письменный текст—книги и газеты.

Изменения звучания слова

Если при заимствовании слова из одного языка другим совершенно безразлично, какой признак был в действительности положен в основу названия, то само заимствованное слово пытаются связать с корнями родного языка. Так случилось, например, со словом *пиджак*. Оно пришло к нам из Англии, а к англичанам, в свою очередь, из Голландии, став звучать *piea-jacket (пи́джэкит)*. *Пиджак*—это двубортный жакет. Впрочем, теперь пиджаком называют уже всякий жакет—и двубортный и однобортный. А слово *жакет* стало обозначать только предмет женской одежды.

Жакет по происхождению слово французское. *Jacques (Жак)* — распространенное французское имя, в средние века чаще всего крестьянское. Простых людей французские дворяне называли Жаками. Одежду жаков именовали *jaquette (жакэ́т)*.

Еще сравнительно недавно можно было услышать вместо *пиджак* в просторечии *спинжак*. Надевается на спину, покрывает спину, думали многие, плохо владевшие литературным языком, следовательно, — *спинжак*. Те, кто так говорил, пытались объяснить себе смысл непонятного им слова и его непривычное звучание с помощью родного языка и, естественно, искали в нем известные корни. Такая переделка непонятного слова в понятное, по-новому понятое, называется народной этимологией, народным объяснением происхождения слова. Так как такое объяснение неверно, его называют еще ложной этимологией.

Изменения в звучании слов связаны обычно с действием звуковых законов языка, а возможны эти изменения потому, что слово, чтобы жить в языке, вовсе не нуждается в том, чтобы быть мотивированным. Согласные в слове могут уподобиться одна другой, и тогда вполне понятное по признаку слово *сочевица*, т. е. *сочная*, становится немотивированным *чечевица*. Иногда переставляются звуки. Так, из немецкого *манганэрц* (почему и химическое обозначение *Mn*) получается *марганец*. Иногда отбрасываются схожие слоги, и из *близозорокий* получается сначала *близорокий*,

а затем, „чтобы понятнее“, — *близорукий*, ничего общего не имеющее с руками.

На связи звучания и значения основано разделение сложных слов на две составные части, каждая или одна из которых заменяет все сложное слово: *радио* и *приемник*, *машина* и *авто*, вместо *фотоаппарат — аппарат*, вместо *фотокарточка — карточка*, вместо *фотоснимок — снимок* или *фото*, вместо *звукозапись — запись*, вместо *кинофильм — фильм*, вместо *кинокартина — картина* или даже в просторечии *кино*.

Главное в слове — связь звучания и представления

Если мы теперь вновь рассмотрим все типы называний, то увидим, что они представляют некую цепь.

1. Прямое называние предмета по признаку — с использованием суффиксов и префиксов (приставок).

2. Переносное называние предмета, явления, т. е. метафора и метонимия.

3. Заимствования названий из других языков.

Но именно заимствования, только не из языка в язык, а от поколения к поколению, с изменениями, обычно возникающими при заимствовании, и обеспечивают существование языка, так как главное в слове — это связь в нашем сознании его звучания с представлением об определенном предмете, определенном понятии.

Детализация при назывании

До сих пор речь шла о том, как по признаку называют предмет. Но можно поставить вопрос и иначе: ***когда возникает необходимость назвать предмет, выделить его?***

Попробуем ответить на этот вопрос, используя конкретные примеры. Так, в русском языке существуют два слова для называния маленькой собачки — *щенок* и *собачонка*. Как же возникла необходимость в обоих этих словах?

Какая разница между щенком и собачонкой?

На этот вопрос можно ответить сразу. *Щенок*, так сказать, собачий младенец, собака-дитя, а *собачонка* — это небольшая по величине собака, маленькая. *Собачонка* может быть и старая и дряхлая, а *щенок* — только молодой. Итак, *щенок* — это собачий возраст, а *собачонка* — величина. Молоденькая собачка — не *собачонка*, а *щенок*.

Детеныш льва — *львенок*, медведя — *медвежонок*, волка — *волчонок*, мыши — *мышонок*. А собаки — *щенок*. Почему-то нарушился порядок, когда название детеныша образовано от того же корня, что и название взрослого животного. С одним ли щенком происходит это?

Детеныш коровы — не *коровенок*, а *теля*, *теленок*, и даже когда ему исполнится год, он все еще *телок* или *тёлка*. Детеныш овцы — *ягненок*, а слово *овечка*, как и собачонка, указывает

не на возраст, а на величину животного, и *коровенка* — тем более; у свиньи рождается не *свиненок*, а *поросенок*. Слово *свиненок* бранное, обозначающее неопрятного ребенка. Это слово в данном значении, как вы знаете, употребил В. В. Маяковский в своем стихотворении „Что такое хорошо, что такое плохо“:

Помни
        это
            каждый сын,
знай
    любой ребенок:
вырастет
            из сына
                    свин,
если сын —
            свиненок.

В этом же значении слово *свиненок* употреблял в своих произведениях А. П. Чехов, который в рассказе „Лишние люди“ передает, как ругает отец своего шестилетнего сына:

— Врешь! Врешь, дрянной мальчишка! — раздражается Зайкин все более и более. — Ты всегда врешь! Высечь тебя нужно, *свиненка* этакого! Я тебе уши оборву!

Но вернемся к нашему разговору о названиях детенышей животных. Мы видели, что названия многих детенышей д о м а ш н и х животных не совпадают корневой частью с названием взрослого животного. Исключение, пожалуй, составляют слова *коза — козленок*.

И так не только в русском языке, а и в других индоевропейских языках. У французов, правда, детенышей домашних животных довольно часто называют словом того же корня, что и взрослых. Но у немцев в трех случаях (*корова — телка*, *свинья — поросенок*, *овца — ягненок*) для слов, которые называют детенышей домашних животных и родителей, корни разные, как и у нас, а в остальных случаях — одинаковые. У англичан похоже на немецкий образец.

Люди, как правило, д и к и х животных (и детенышей, и взрослых) называют словами о д н о г о корня, а д о м а ш н и х животных довольно часто, но не обязательно — словами р а з л и ч н ы х корней.

А как обстоит дело с названиями взрослых животных (самцов и самок)?

В русском языке обычно для самцов и самок д и к и х животных названия образованы от одного корня (*волк — волчица*, *медведь — медведица*, *лис — лиса*, *заяц — зайчиха*, *лев — львица*), для д о м а ш н и х животных эти названия большей частью образованы от разных корней (*корова — бык*, *свинья — кабан*, *овца — баран*).

Но и в этом случае единства между языками нет, хотя во многих языках наблюдается та же закономерность, что и в русском.

В том, что относительно взрослых животных это правило выполняется последовательнее, чем относительно их детенышей, отразилась причина, объясняющая, почему в русском языке *щенок* и *собачонка* названы словами от разных корней.

Здесь же содержится и ответ на вопрос о том, к о г д а́ возникает необходимость в создании слова.

Но прежде нужно объяснить признаки, заложенные в словах, о которых мы говорим.

Слово *щенок* образовано от корня, обозначающего начало. С этим корнем связано наше русское слово *чадо*, означающее „дитя", „потомство", и украинское слово *нащадок* — потомок. Считают, что этот корень присутствует и в слове *исчадие* — в выражении *исчадие* (порождение) *ада*, хотя сейчас слово *исчадие* скорее связывается у нас в воображении с *чадом*. Итак, *щен* — просто „потомство" и вовсе не обязательно собачье. На то, что слово *щен* связано по первому смыслу не с обозначением собачьего рода, а именно с понятием потомства, указывает и то, что *щеня* может быть не только у собаки, но и у волка, лисы, песца, моржа. Итак, признак, избранный для названия щенка, — потомство, а вовсе не указание на вид животных, к которому принадлежит щенок.

Теленок, *теля*, *телка*. Существует несколько предположений относительно происхождения этих слов, но мы расскажем об одном из них, наиболее вероятном. *Теленок* означает либо „годовалый", либо „сосунок", подобно тому, как английское название поросенка *sucking pig (са́кинг пиг)* означает „сосущая свинья". Итак, опять указание на возраст.

Теперь несколько слов о названиях в з р о с л ы х животных.

Корова означает „рогатая“ либо, по другому предположению, „жующая“. *Бык*—„ревущий“. Признаки чисто внешние.

Теперь мы можем дать ответ, почему и самец, и самка, и детеныш дикого животного называются словами одного корня, а у домашних животных, как правило, словами, образованными от трех различных корней.

У диких животных, которые не служат человеку, не используются им, человек не выделяет никаких других признаков, кроме каких-то внешних признаков породы, общих для всех; ему нет необходимости различать этих животных по возрасту и полу. Для человека очень мало значили различия между *львом*, *львенком* и *львицей*. Это всегда был, в общем, один, одинаковый по отношению к человеку зверь, названный им „рычащий“.

А домашние животные ведь потому и называются домашними, что они имеют свое, большое значение в хозяйстве, и охотнику или пастуху всегда не безразлично, *собака* ли у него или собачье потомство, еще не способное помогать в охоте и охранять стадо; *корова* ли, дающая молоко, или же *теленок*, не дающий еще молока. И не случайно названия молодых домашних животных указывают, как мы видели, на их возраст или присущие этому возрасту особенности, тогда как названия взрослых животных явно восходят к периоду, когда различия между ними особого значения для человека не имели. Признаки в них избраны, как правило, не существенные для

практики. Зато поскольку различия между самцом и самкой домашних животных еще более важны для скотовода, чем различие в возрасте — между взрослым животным и детенышем, то и различия между названиями здесь более последовательны.

О том, что наличие множества названий для домашних животных разного пола и возраста связано с различиями в их хозяйственном значении, говорит также и то, что для кошек, возраст и пол которых для практики не важны, для всех наименований используется один корень: *кот*, *кошка*, *котенок*. Зато *бык*, используемый для перевозки тяжестей, уже не бык, а *вол*, и такое же различие проводится в большинстве языков.

Для крупного рогатого скота в говорах существует слово *товар*, свидетельствующее о том, что скот в прошлом был основным предметом торговли. Когда-то у славян было другое слово, которое обозначало и быка и корову — *говядо*. От него происходит наше название мяса — *говядина*.

В английском языке домашние животные называются словами германского происхождения, а их мясо — словами французского происхождения. Дело в том, что английские аристократы, которым средства позволяли выбирать между сортами мяса, говорили на французском языке.

Итак, с л о в о п о я в л я е т с я т о г д а, к о г д а е с т ь н е о б х о д и м о с т ь в ы д е л и т ь к а к о й-т о в и д п р е д м е т о в.

Судьба детализации, которая теряет смысл

С течением времени детализация, выделение какого-то вида предметов может стать необоснованной. Так, в глубокой древности некоторые признаки закрывали то общее, что мы видим сейчас в понятиях *отец* и *мать* — в отношении их к детям как родителей. Главное внимание обращалось на то, что отец — глава семьи, господин, а мать — взрослая женщина, кормилица.

Слова, обозначающие отца и мать, почти во всех языках образованы от разных корней. Эти понятия объединены лишь в возникшем позднее слове *родители*. Но на Украине находим сравнительно молодое по происхождению слово *ненька (нэ́нька)*, называющее не просто мать, а ту, которая выходила, самую близкую, самую дорогую. Это слово может обозначать отца и даже любимого деда. Языку становятся не нужны проводившиеся раньше различия. Он иначе делит предметы, явления, следуя за современным сознанием.

Судьбе слов *мать* и *отец*, употребляющихся необычайно часто, ничто, конечно, не угрожает.

А вот исчезновение различий между глаголами *знать* и *ведать* привело к смерти одного из них.

Русское слово *знать* можно перевести на немецкий двумя словами: *kennen (кэ́нэн)* и *wissen (ви́сэн)*. Во французском языке также два слова могут служить для перевода нашего *знать*. Почему же в других языках два слова, а у нас одно?

Но всегда ли было у нас так? Действительно, сегодня слово *знать* обозначает в нашем языке, с одной стороны, „иметь о чем-то сведения, понятие“, „разбираться в чем-то“, а с другой стороны, „быть знакомым“.

Рассмотрим другие слова. Может быть, они нам помогут ответить на поставленный вопрос.

У нас есть слова *естествознание* (наука о природе) и *естествоведение*, обозначающие почти одно и то же; есть слова *языкознание* и *языковедение*. Что это за *ведение*, что это за корень ***вед?***

Корень ***вед*** очень древний, общий многим индоевропейским языкам. Он обозначал знания, мудрость. Священная книга древних народов Индии, написанная на санскрите, носит название „Веды“, что значит „знание“. У нас еще в прошлом веке писали *ведаю* наряду со *знаю*, и сейчас можно встретить фразу *не ведает, что творит*, т. е. не знает, что делает.

От корня ***вед*** у нас немало слов: *сведения*, *ведомости*. Сейчас *ведомости* обычно отчетные, а во времена Петра I это было название газеты. Заголовок первой русской газеты, вышедшей в 1703 г., так и гласил: „Ведомости“. И все же в русском языке сам корень ***вед*** увял, был вытеснен корнем ***зна***. Глагол от корня ***вед*** приобрел новое значение—„ведать чем-то“, т. е. чем-то управлять.

Но если корень ***зна*** вытеснил корень ***вед*** потому, что стал означать совершенно то же

самое, вероятно, когда-то эти корни обозначали нечто различное.

Присмотримся, как переводится на немецкий язык наше слово *знать*. *Я знаю математику.* Здесь мы при переводе употребим глагол *wissen (вúсэн)*. *Я знаю этого человека.* На этот раз придется использовать слово *kennen (кэ́нэн)*. Подобным же образом *знать* — „иметь сведения", „понимать" — мы переведем на французский глаголом *savoir (савуáр)*, а *знать* — „быть знакомым" — с помощью глагола *connaître (конэ́тр)*. Правда, такое условие и у французов и у немцев выдерживается теперь не очень четко, но это потому, что значения обоих глаголов сближаются, начинают смешиваться и, может быть, через какое-то время один из них исчезнет, а второй будет заменять его во всех случаях, как это произошло в нашем языке или у англичан.

В английском языке тоже остались только следы корня — родича нашего ***вед:*** в словах *wise (вайз)* — мудрый, *wisdom (вúсдом)* — мудрость.

Но вернемся к нашему разговору.

Можем ли мы теперь определить, что значили когда-то корни ***вед*** и ***зна?*** Вероятно, ***вед*** указывал на что-то вроде научного познания, а ***зна..?***

В древности люди наносили на свое тело татуировку. Эта татуировка была знаком, указывающим на принадлежность людей к роду; по знакам узнавали, свой человек или чужой, родич или не родич. Слово *знак* образовано от корня

зна, обозначавшего „быть родственным“, „единокровным“.

Мы теперь говорим о наших лучших рабочих и крестьянах—*знатные люди* и думаем обычно, что знатные означает, что их все знают. Это сегодняшнее содержание слова. А когда-то знатными называли князей, графов и не потому, что их все знали, а потому, что они были родовитые. Чем стариннее был род, тем представитель его был более знатным. *Знать*, *узнавать* первоначально означало „определять принадлежность к роду“.

Немецкое *kennen (кэ́нэн)*—„быть знакомым“, „знать“—того же индоевропейского корня, что и латинское *genere (гене́ре)*—рождать. А в латинском *cognosco (когно́ско)*, от которого французское слово *connaître (конэ́тр)* — „знать“, мы вновь находим тот же корень, что и в *genere (гене́ре)*. Да и наше *знать*, видимо, в родстве с ними.

Одни знания люди приобретали путем специального изучения—это обозначалось словами от корня ***вед;*** знания, приходившие как бы сами собой, такие, как знание родичей, обозначались корнем ***зна***. Постепенно это разделение потеряло смысл.

Вот почему во многих языках пока еще есть два слова, обозначающие то, что мы теперь обозначаем одним нашим *знать*. У нас второе слово уже не употребляется, так как нет отдельного второго понятия.

Ограничение значения слова при разделении понятий

Слово *искусство* по своему старому значению — умение, ремесло. *Искусный* — означает „умелец“, „опытный“, „испытанный человек“. Ведь *искушение* — это, собственно, „испытание“.

Латинское *ars (арс)* значило не столько искусство, сколько ремесло. Во французском языке его потомок *art (ар)* обозначает только искусство, но образованное от него *artisan (артиза́н)* — не художник, а ремесленник. Немецкое *Künstler (кю́нстлер)* означает теперь „искусник“, „художник“, „артист“, но родственное с ним наше *кустарь* значит только ремесленник. В XVIII веке *художествами* назывались различные производства, ремесла, и М. В. Ломоносов писал, что металлургия — важнейшее из художеств.

Греческое слово *techne (тэ́хнэ)*, от которого наше *техника*, означало также искусство. Лишь с четким разделением искусств и ремесел значение слов, обозначавших искусство, так или иначе сузилось.

Слова с обобщенным значением

Надо сказать, что слова, четко разделяющие понятия, необходимы только тогда, когда сами эти понятия четко выделены в нашем сознании.

Как неточны, например, слова *устройство*, *установка*, *механизм!* Что за *устройство*, что за *установка*, что за *механизм?* Как они сделаны? На каком принципе построены? Но попробовал бы автор научно-популярной статьи заменить эти слова более точными. Ему пришлось бы пользоваться совершенно непонятными терминами, известными только специалистам, или же надо было бы пускаться в многостраничные и малопонятные объяснения: как построено то, что обозначено этими терминами.

Трудно сказать точнее, чем *атомная установка*, *устройство для запуска ракет*. С этими крайне общими словами популярный научный рассказ читателю будет понятнее, чем с гораздо более точными, но указывающими на то, в чем читатель не разбирается, что ему непонятно. *Устройство*, *установка* — это для читателя, не специалиста в определенной области техники, не слишком малая, вполне достаточная информация, ибо она все-таки указывает на характер описываемого, и не чрезмерно богатая, чтобы запутаться и не понять.

Не удивительно, что в наш век стремительного развития техники, за которым не в состоянии поспеть знания одного человека, слова типа *установка*, *устройство* становятся очень употребительными во всех языках.

Достаточно раскрыть любую полосу французской газеты, чтобы увидеть слово *engin* (*анжэн*). Оно еще более неопределенно, чем наши слова *установка* или *устройство*. *Анжэн* может обо-

значать прибор, машину, орудие, механизм, снаряд, паровую машину, атомный двигатель, ракету. Чрезвычайно общее, оно, однако, сообщает ровно столько, сколько необходимо передать в самом популярном изложении. Если же требуется большая точность, то во французском языке есть, конечно, слова, обозначающие только один, определенный тип устройства, например *pile atomique (пиль атоми́к)* — атомный котел (реактор). И если газета сообщает о запуске советской ракеты на Луну, то речь идет сначала об *engin* (анжэ́н) — устройстве, запущенном в космос, и лишь затем поясняется, что устройство — это *raquette cosmique (ракэ́т косми́к)* — космическая ракета, что эта ракета — четырехступенчатая.

Есть у французов еще менее точное название предмета — слово *machin (машэ́н)*. Наши словари даже не переводят это слово, а объясняют его, говоря, что это указание на предмет, название которого не приходит в голову. Если мы все же попытаемся воспользоваться для перевода каким-нибудь русским словом, то *machin (машэ́н)* можно перевести разве словом *штучка*. Ведь дети любой предмет, название которого им неизвестно, называют *штучкой*.

Можно бы сказать, что *штучка* — наиболее общее и, следовательно, наименее точное слово, если бы у него не было конкурента, с которым ему не сравниться.

Штучка — это все-таки предмет, обладающий такими признаками, как какой-то предел вели-

чины, какая-то ограниченность формы. Дом, столб, тем более дым — это уже не *штучка*. Не очень удобно употреблять по отношению к дому, или столбу, или дыму и другое довольно общее слово — *вещь*, хотя словарь говорит, что *вещь* — слово, обозначающее все, что доступно чувствам.

Глядя на дом, или столб, или дым, человек, не знающий нужного слова, спросит: что это? *Это* — самое общее слово, сообщение о том, что мы ничего не знаем о предмете и явлении, кроме того, что они явились нам, нашим чувствам.

Итак, мы добрались до слова, значащего ничего и все, с абсолютно малой и в то же время на нашем уровне знания об „этом" вполне достаточной информацией.

„Это" — самое общее слово, начало выделения.

Потребность практики — главная причина рождения слов

Каждый день с появлением новых изобретений, с рождением нового в общественных отношениях, в культуре, в быте, с достижениями науки и человеческой практики рождаются новые слова. Понятие, представление, которое раньше называлось одним словом, распадается на несколько понятий, и возникает несколько новых слов. И разложение понятия и рож-

дение слов — результат человеческой практики. Понятие, представление отмирает или изменяется — отмирает или изменяет свое содержание связанное с ним слово.

Рождение все более конкретно делящих мир слов результат достижений человеческой практики. Рождение слов, обобщенно, отвлеченно отражающих действительность, тоже результат практики.

ЖИЗНЬ СЛОВА

МНОГОЗНАЧНОСТЬ СЛОВА. РАЗВИТИЕ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВА

Круг значений слова

В первой части книги речь шла о рождении названия, о выборе признака, по которому предмет получает свое название. Мы говорили о том, как выделяется в предмете признак для называния этого предмета или явления. Теперь же попытаемся рассказать, как выделяется используемый для называния признак в слове. Ведь когда ребенок назвал лампу арбузиком, он не только выделил признак круглости в лампе, но и в слове *арбузик* выделил указание на нечто круглое.

Поскольку каждый предмет может представать перед нами в разной роли, то и его название может указывать на разные признаки: в станке или снаряде название детали *стакан* указывает на форму; *стакан крупы* или *сахару*— это уже мера, т. е. столько, сколько помещается в стакане. Переносы значений возможны именно потому, что название предмета или действия может указывать на различные признаки, которые проявляются в предмете и выделяются в нем говорящим.

Эти различные признаки сами становятся представителями других предметов. Так, например, слово *стол* приобретает несколько различных значений. Кроме предмета мебели, стол еще и питание *(диетический стол)*, и отдел в учреждении *(адресный стол милиции)*.

Различные значения, которые может иметь одно и то же слово, называют кругом значений слова. У малоупотребительных слов, связанных с предметами и действиями, которые имеют малое значение в нашей жизни или редко употребляются, круг значений очень мал, иногда эти слова имеют только одно значение. У слов, которые употребляются часто и называют предметы, широко применяемые, действия важные, круг значений очень велик. Достаточно вспомнить круги значений тех слов, которые приводились как примеры перенесения названия по функции. По нескольку десятков значений имеют английский и фран-

цузский глаголы, обозначающие „делать“: *do (ду)* и *faire (фэр)*. В большом, издаваемом Академией наук СССР „Словаре современного русского литературного языка“ (до настоящего времени вышло 16 томов) у русского глагола *идти* отмечены следующие значения:

1. Менять место в пространстве, перемещаться в том или ином направлении. **А.** а) О человеке и животном. Передвигаться, ступая ногами, шагая. Противоположное: стоять или бежать. ||Перемещаться, передвигаться с той или иной целью, тем или иным способом, выполняя ту или иную работу.

◇ Идти́ на кого-, что-либо. Выступать, стремясь захватить, покорить, убить и т. п. ◇ Идти́ войной на кого-, что-либо.

|| Бежать, скакать, нестись и т. п.

|| Перемещаться массой. О рыбе, о мелком пушном звере и т. п.

б) О средствах передвижения. Ехать, плыть, лететь. ◇ Об обозе, караване и т. п. || Плыть, ехать на пароходе, лодке и т. п.; лететь на аэроплане. ◇ Идти́ на веслах, идти́ под парусами, идти́ на лыжах.

в) О тучах, облаках. Нестись, плыть.

г) О реке, волнах. Течь, двигаться.

д) О льдинах во время ледохода, о плывущих по воде предметах.

е) О небесных телах. Двигаться.

ж) О ветре, пыли, тумане и т. п. Двигаться.

з) О передвигаемых, перемещаемых предметах.

и) О письмах, посылках, грузах. || Передаваться из рук в руки, от одного к другому. || Уступая усилию, на-

жиму и т. п., входить, влезать, вмещаться или выходить, выниматься, вылезать.

Б. Уходить, удаляться, отправляться. а) При указании направления движения. ✧ И д т и́ в море. *Спец.* Отправляться в плавание, на промыслы и т. п. б) При указании времени отправления.

В. Приближаться, подходить. || Приходить, получаться, поступать. О письмах, грузах и т. п.

2. *Перен.* Двигаться, направляться, устремляться. ~ ***Не идти́ дальше*** чего-нибудь. Останавливаться на чем-либо.

3. Направляться куда-либо, предназначаться для кого-, чего-либо. ✧ И д т и́ в продажу, в обработку и т. п. || Передаваться на заключение, утверждение и т. п. О планах, проектах и т. п.

4. Продаваться, находить сбыт. О товарах. ✧ И д т и́ по . . . Продаваться по какой-либо цене. ✧ И д т и́ ходко, шибко и т. п.

5. Течь, литься. О воде, крови, слезах и т. п.

6. Отделяться, выделяться откуда-либо; доноситься, проникать куда-либо. О дыме, паре, тепле и т. п. ✧ О запахах. ✧ О звуках. || *Перен.* Распространяться. О слухе, славе, молве, вестях и т. п.

7. Вести начало, происхождение; происходить. ✧ Род, порода и т. п. и д ё т (с какой-либо поры), идти́ от . . .

8. Устремляться на приманку, хватать приманку. О рыбе, птице. || Попадать в сети, ловушку и т. п. ~ ***Идти́ на удочку.*** Поддаваться какому-либо влиянию, воздействию.

9. В карточной, шахматной игре делать ход какой-либо картой или фигурой, обусловливать значение какого-либо хода и т. п.

10. Иметь известное направление, простираясь, помещаясь где-либо; располагаться. ◊ О поле, лесе, долине, холмах и т. п. ◊ Идти́ вверх, вниз, налево, направо и т. п. ◊ О помещениях, расставленной мебели и т. п. || Тянуться. О нитях, полосах, рельсах и т. п. ◊ О дороге, тропинке, аллее, шоссе, улице и т. п. ◊ О следах.

11. Занимать то или иное место в ряду (при сравнении, сопоставлении по качеству, по важности и т. п.). ◊ Идти́ впереди, после чего-либо.

12. О движении, течении времени. ◊ День за днем, неделя за неделей, год за годом и т. п. идёт, шел. Об однообразном течении времени.

13. Наступать, надвигаться, приближаться. О каком-либо времени, о времени чего-либо. ◊ О наступлении сумерек, вечера, ночи. ~ ***Дело идет, шло*** (к чему-либо). Приближается, наступает что-либо.

14. Даваться, выдаваться постоянно. О жаловании, пособии, подарках и т. п. || Исчисляться, начисляться. О процентах, пени и т. п. || Оказываться. Об уважении, почете, милостях и т. п.

15. Действовать, поступать каким-либо образом (обычно в сочетании с обстоятельством образа действия). ~ ***Идти́ на*** что-либо. Быть готовым к чему-нибудь, способным на что-либо; соглашаться на что-нибудь. ***Идти́ на все четыре стороны.*** Располагать свободой, независимостью и т. п. ***Идти́ вразрез*** с кем-, чем-либо, ***наперекор*** кому-, чему-либо. Противоречить кому-, чему-либо, не соглашаться, с кем-, чем-либо. ***Идти́ в уровень с веком (наравне с веком).*** Быть передовым, не отставать во взглядах, обычаях и т. п. ***Идти́ за*** кем-либо, ***по*** чьим-либо ***стопам, следам.*** Следовать, подражать кому-либо в чем-нибудь. ***Идти́ рука об руку, идти об руку*** с кем-, чем-либо. а) Действовать

совместно, единодушно. б) Находиться рядом; сосуществовать. ***Идти в ногу.*** Двигаться, действовать согласованно, совместно. ***Идти́ против*** кого, чего-либо. Бороться, не соглашаться с кем-, чем-либо, сопротивляться чему-либо. ***Идти́ вперед.*** Достигать успехов, совершенствоваться, продвигаться.

16. Устраиваться, поступать на работу; выбирать специальность; вступать в какую-либо организацию. ◇ *Устар.* Идти́ в службу. ◇ Идти́ в (с обозначением организации, общества и т. п., участником, членом которых кто-либо становится). ◇ Идти́ кем-либо (с обозначением в твор. пад. ед. ч. должности, профессии и т. п.). ◇ Идти́ по (с обозначением области применения труда, специальности и т. п.).

17. Осуществляться, совершаться, двигаться. ◇ Идти́ чередой, чередом. ◇ В сочетании с именем существительным, обозначающим название действия, состояния: идёт работа, идет веселье, идет еда и т. п.

◇ Беседа идёт, шла; разговор, рассказ идёт, шел. ◇ Иду́т разговоры, толки и т. п. ◇ Идёт представление, пьеса, опера, концерт и т. п. Дается, исполняется.

18. *Разг.* Удаваться, получаться, спориться. || Существовать, выполняя свое назначение, развиваясь, процветать и т. п. ~ ***Идёт, шло.*** Получается, выходит. ***Сам (сама, само) идёт; сами иду́т.*** О чем-либо легко выполняемом, дающемся и т. п. ***Идти́ как по маслу.*** Легко, быстро получаться, удаваться и т. п. ***Идти́ колом.*** С трудом, плохо получаться, выполняться и т. п. ***Дело идёт на лад.*** Ладится, спорится что-либо. ***Идти в гору (под гору).*** Двигаться, развиваться в благоприятном (неблагоприятном) направлении. ***Карта идёт (не идёт, плохо идет)*** кому-

либо. Об удачной, счастливой (незадачливой) карточной йгре.

19. Употребляться для какой-либо цели. ***Идтй в дело.*** Находить применение. ***Идтй за*** (кого-, что-либо). Приравниваться к кому-, чему-либо; признаваться за кого-, что-либо.

20. *Разг.* Тратиться, расходоваться. || Требоваться, быть необходимым.

21. Лить, падать. О дожде, снеге.

22. *Разг.* В оборотах речи (обычно отрицательных), характеризующих физиологическое и психическое состояние: сон не идéт = не спится; слова не идýт = не хочется говорить и т. п. ◇ Кусок, еда, питье и т. п. не идéт кому-либо в горло. Об отсутствии расположения к еде, питью и т. п. под влиянием утомления, озабоченности, расстройства и т. п. ~ ***Не идет (не шло) на ум*** что-либо. Не хочется делать что-либо, заниматься чем-либо. ***Идет (шло)*** кто-, что-либо ***в голову, на память*** и т. п. Вспоминается, возникает в памяти. ***Из головы, с ума не идет*** кто-, что-либо. О чем-либо беспокоящем, навязчивом.

23. Расти, вырастать. ◇ Идтй в ботву, в корень; идтй в тело и т. п. *Простореч.* О преимущественном росте, развитии ботвы, корня и т. п.

24. Быть в действии, работать. О механизмах. || Показывать время. О часах. || *Спец.* Работать. О фабриках, домнах и т. п.

25. В значении вспомогательного глагола *быть.* || Становиться, делаться. В сочетании со сравнительной степенью прилагательного. ◇ В сочетании с некоторыми наречиями и наречными выражениями: идтй впрок = быть полезным, идтй в убыток = быть убыточным, идтй на понижение =

становиться ниже и т. п. ◇ Идти́ в сравнение. Быть сравниваемым, сравниваться.

26. Быть подходящим, соответствовать, годиться. ◇ Идти́ кому-либо. ◇ *Устар.* Идти́ к кому-либо. ◇ Идти́ к чему-либо. ◇ *Устар.* Идти́ к лицу (кому-либо). Идет. Согласен, ладно. **Куда ни шло.** Так и быть, согласен. ~ ***Идти (не идти) к делу.*** Иметь отношение (не иметь отношения) к чему-либо, касаться (не касаться) чего-либо. ***Дело идет о... , речь идет о....*** Обстоятельства касаются чего-либо, имеют отношение к чему-либо. ***Идти́ за*** (кого-либо). ***Идти́ замуж. Идти́ к венцу (под венец).*** Вступать в брак, жениться *(устар. быт.)*. ***Идти́ ко дну (на дно).*** а) Тонуть. б) Терпеть неудачу, поражение и т. п. ***Идти́ по миру.*** *Устар.* Собирать, просить на пропитание.

Вот сколько значений имеет слово *идти* в русском языке! И это только одно слово!

В разных языках слова, обозначающие один и тот же предмет, окружают себя различными кругами значений. Если у нас в выражениях *спускать с цепи* и *спускать корабль* употребляется одно и то же слово, то англичане в этих случаях для передачи значения нашего слова *спускать* употребят два различных слова.

Способность слова приобретать новые дополнительные значения и само наличие у него круга значений называется многозначностью слова или полисемией (полисемия — греческое сложное слово: *poly* — много, многое, *sema* — значение). Многозначность и позволяет переносить название с одного предмета на другой.

Сужение и расширение значений слова

Слово-название может стать представителем признака, общего предметам, различным во всех остальных отношениях. Тогда круг предметов, обозначаемых словом, расширяется и мы говорим о **расширении** значения слова. Если же слово становится представителем признака, более специфического, чем ранее, и начинает называть меньший круг предметов, то мы говорим о **сужении** значения слова.

Расширение значения происходит в тех случаях, когда слово, обозначавшее один из видов данного рода, начинает обозначать признак **всех** предметов этого рода. Русское слово *мошенник* образовано от *мошьна — кошель* еще в древнерусском языке. Обозначало оно приблизительно то же, что наше *карманщик*. В современном русском языке значение слова *мошенник* расширилось и несколько изменилось. Оно обозначает теперь человека, наживающегося нечестным путем, обманщика.

Слово *основа* по происхождению обозначало продольные нити для тканья — основу ткани. Теперь же основа может быть у многих положений, взглядов, предметов.

В древнерусском языке слово *оружь* означало „палка“, „кол“. Современное русское *оружие* расширило свое значение. Название палки как средства боя было перенесено на все другие — новые, даже огнестрельные виды оружия.

При расширении значения слова определение предмета становится менее конкретным, менее детализированным — это бывает, например, тогда, когда словом начинает пользоваться более широкий круг людей, часто имеющих возможность лишь поверхностно судить о предмете.

Сужение значения слова происходит обычно в речи людей, имеющих дело только с одной стороной того признака, название которого сузило свое значение. Поскольку в быту мы имеем дело, как правило, только с одним видом машинок — пишущими, то слово *машинка* стало употребляться в суженном значении.

Особенно сужается значение слова при употреблении его людьми определенной специальности. Если в древнерусском языке *пробел* означало белое пятно, то у писарей оно стало значить пустое место в тексте (оставляемое для вписывания), а в типографском деле *пробелы* — пустые места между словами. В связи с этим появилось выражение *пробельный материал* — та часть типографской формы, которая не оставляет оттисков при печатании.

Интересно также сужение и изменение значения слова *бреющий* (с переносом по сходству) в речи летчиков. В первые годы развития авиации считалось позором летать низко, о таких летчиках шутили, что они *бреют землю*, срезают траву, и полет над самой землей стали называть *бреющим*. Затем это слово стало употребляться без оттенка иронии, так как бреющий полет требует особого искусства.

От конкретного к абстрактному

Важный путь расширения значения слова, связанный с переносом по сходству, — изменение в значениях, идущее от конкретных к абстрактным.

Так, например, словами *ходить* и *идти*, обозначающими движение ног, называют и всякое движение вообще, часто даже не движение, а последовательную смену событий (*ход событий*). Это наблюдается не только в русском, но и английском, французском и других языках.

Но только ли с *идти* и *ходить* такое положение?

Мы говорим *ход событий*. А можно ли сказать *течение событий*? Разумеется, можно. Да, течет не только вода. *Течь* могут и облака, и птицы, и даже люди. У А. С. Пушкина в стихотворении „Анчар" есть строки:

Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом,
И тот послушно в путь *потек*
И к утру возвратился с ядом.

Дни, дела *текут*. Говорят, что *течет* электрический ток по проводам, *текут* мысли.

У англичан течь — *flow* (*флóу*) может не только вода, но и время, речь.

У немцев слово *strömen* (*штрёмэн*) может обозначать и течение воды и течение (движение, направление) в литературе.

И все же способности расширять свое значение у слов, обозначающих течь, оказались

значительно меньшими, чем у слов, называющих процесс передвижения с помощью ног — *идти* и *ходить*. Это не удивительно: *течь*, говорящее издавна о движении воды, не так часто вспоминалось для сравнения и не так точно выражало суть движения, как слова *идти* и *ходить*, которые связаны с действиями самого человека.

С появлением первых, а затем все новых и новых изобретений и машин их действия сопоставлялись с действиями человека. И это сопоставление для движения было — *идти*, как для производственной деятельности *работать*. (Поэтому-то машина, заменившая человека, продолжает делать то же, что делал он — *работать*).

И к мысли человек подошел тоже со своей меркой — *идти*. Отсюда и наше выражение — *ход мыслей*.

Слова, обозначающие абстрактные, отвлеченные понятия, имеют в своей основе корни, связанные с самой осязаемой действительностью, обозначающие наши очень конкретные действия, процессы физического труда.

Но ведь есть же у нас и специальные слова с корнями, обозначающими мысли, процесс мышления, не связанными прямо с действием рук и ног, — *движение, размышление, рассуждение?* Есть. А право же, они менее выразительные. Это и понятно. Указанные слова дальше от наших ярких повседневных впечатлений; они не образны. Сравните, например, два выражения — *движение часов* и *ход часов*.

Насколько живее наше представление от второго! Впрочем, и выражение *течение мысли* тоже воспринимается более ярко, чем слово *рассуждение*. Мы вносим сюда не только самое понятие движения, но и тот оттенок мягкости, плавности и непрерывности, который передает слово *течение*. Ведь течение воды обычно плавно и непрерывно.

Особенно много слов, обозначающих процессы мышления, связано со словами, указывающими на зрительное восприятие.

***Посмотрел** я, как идут дела, и понял, что все будет хорошо*; или напротив: *Я **увидел**, что лучше уйти*. И *смотреть*, и *видеть* в этих случаях человеку приходится не столько глазами, а то и вовсе не глазами, а разумом, мыслью.

Увидеть бывает равносильно тому, чтобы понять. Недаром величайшие древнегреческие философы — Аристотель и Демокрит — говорили, что из всех органов чувств самый точный и заслуживающий доверия — глаза.

Глазами мы *видим, глядим, смотрим, зрим*. И все эти слова, обозначающие действие глаза, могут называть также и работу нашего ума, деятельность нашей мысли.

Глядеть можно не только глазами, но и умственным взором. Правда, в наши дни вопрос: *Как ты глядишь на это?* — звучит несколько необычно, но зато его часто можно встретить в художественной литературе прошлого. Теперь, конечно, спросили бы иначе: *Как ты смотришь на это?* Потому, что и о глазах

мы тоже спросили бы скорее: *Куда ты смотришь?* — чем *Куда ты глядишь? Взгляд,* безусловно, присущ не только глазам — *быстрый* или *приветливый взгляд,* но и мысли: *иметь свой взгляд на вещи, свой взгляд на вопрос* и т. д.

Если *зрение* присуще только глазам, то *воззрение* — мысли.

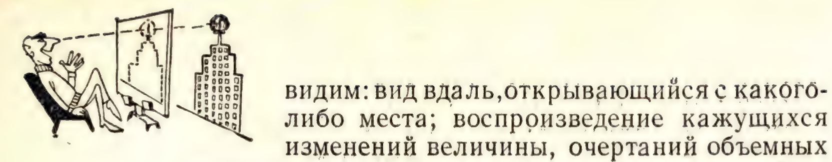
Подобным же образом обстоит дело со словами от корней, соответствующих нашим *видеть, глядеть, смотреть* и *зреть,* в языках других народов.

Мы говорим *кажется* вовсе не только в смысле „видится глазам", но и в значении „видится уму". Соответствующий глагол у французов — *paraître* (*парэ́тр*) может означать „казаться глазам" и „представляться уму".

Характерны сегодняшние значения слов, образованных от латинского корня *spect* (*спэкт*) — смотреть, наблюдать — во многих европейских языках.

Аспект [*aspectus* (*аспэ́ктус*) — латинское слово, обозначающее взгляд, поле зрения, вид] — говорится теперь почти только в отношении мышления. *В каком аспекте* — это значит „с какой точки зрения" (опять описываем мысль словами, принадлежащими глазу!) воспринимаются явления или в какой перспективе они выступают.

Перспектива [от латинского *perspicio* (*пэрспи́цио*) — проникаю взором, понимаю, вижу насквозь]. Это слово может обозначать и понятия, связанные со зрением, с тем, что мы

видим: вид вдаль, открывающийся с какого-либо места; воспроизведение кажущихся изменений величины, очертаний объемных предметов при живописном, графическом изображении их на плоскости; объемность, соотношение объемных предметов, частей предметов, представляющихся глазу; и понятия, связанные с мышлением: виды, планы на будущее, возможности кого-, чего-либо в будущем, то, что должно наступить по предположению кого-либо, неизбежность чего-либо. Сравните предложения со словом *перспектива*, употребленным в разных значениях: *1) Майя подумала: а не заняться ли ей рисованием домов, мостов, изучением* ***перспективы****? 2) Сумерки сгущались незаметно для глаз Галины Николаевны. Все почернело, утратило цвета и* ***перспективу****: все обратилось в черные плоские силуэты. 3)* ***Перспектива*** *идти пешком десять километров не очень увлекла Лебедеву и Милову.*

Конспект. Латинский предок этого слова — *conspectus (конспэ́ктус)* означал обзор, взгляд, созерцание. И так же, как наше *обзор*, он стал применяться не только для обозначения зрительного явления, но и для обозначения предмета, связанного с мышлением, с действием разума. *Конспект* сейчас не обозначает ничего зрительного (да и наше *обзор* мы чаще встретим в выражениях *обзор печати* или *международный обзор*, чем во фразах, подобных такой: *Эта высота обгспечивает хороший* ***обзор*** *местности*). Теперь слово *конспект* означает только „крат-

кое изложение более широкого и полного рассказа, доклада, выступления, книги".

Не менее далеко ушло от первоначального своего значения (тоже обзор, вид вдаль или издали, взгляд, взор) и слово *проспект* [от латинского *prospectus* (*проспэ́ктус*)]. Как понятие, связанное со зрением, оно стало обозначать широкую, прямую, длинную улицу с хорошим обзором. Как название явления, связанного с умственной деятельностью, оно обозначает изложение (печатное) какого-то плана или подробную рекламу — тоже обзор, но для мысли, с помощью мысли.

Вот, кстати, и слово *план* [от латинского *planus* (пла́нус) — плоский, ровный] — обозначает как понятие, связанное со зрением, так и понятие, относящееся к мышлению.

В чем же дело? Почему, как правило, слова, обозначающие действие зрения, обозначают и действия нашего ума, нашей мысли?

Грубо говоря, для того, чтобы что-то обдумать, надо его сначала увидеть. Мысли идут вслед за чувствами. Мыслить, отвлекаясь от того, что говорят чувства, люди научились не сразу. Да и сейчас мы соглашаемся с восточной поговоркой: „Чтобы понять, надо увидеть". Разуму по наследству передаются от глаз, от зрения и слова, обозначающие „разбираться во внешнем мире".

Еще один орган человека — рука — передал человеческому мозгу часть слов, обозначающих его действия. Человек становился полным

хозяином чего-нибудь только тогда, когда он получал это что-либо в руки, брал в них, или, как говорили в старину, *имал*, а если речь идет о мысли, тогда *понимал* (т. е. схватывал: ведь слова *понять* и *поймать* происходят от одного корня).

Вот и мы становимся хозяевами определенной мысли, определенного отношения предметов, лишь когда *понимаем*, *схватываем*, *берем*, *имем* его, только уж, конечно, не руками.

Тот же смысл содержится и в слове *уловить*. Мы вновь обращаемся к действию руки, чтобы обозначить действия ума, мысли.

Уразуметь, *осмыслить* — это уже гораздо более сложно, чем *увидеть*, или *понять*, либо *схватить*. Оно и понятно. Ведь *понять* или *схватить* обозначают действия почти автоматические, когда человек скорее чувствует и ощущает свою мысль, но сам не разбирается в ней, не оценивает ее как бы со стороны. *Уразуметь*, *осмыслить*, *поразмыслить* — слова, обозначающие более глубокую, сложную, отвлеченную от наших чувств мысль.

Чтобы сразу применить нечто в практике, его достаточно *понять*, *схватить*, но, чтобы пользоваться им же в самых разнообразных, часто неожиданных случаях, его надо еще и осознать. Недаром считают, что слова *уметь* и *ум* происходят от одного индоевропейского корня.

Маленькие истории корней *прав* и *печат*

Как мы уже ранее рассказали, слова могут иметь несколько значений. Практически возможности развития значений у слова очень велики. Но они, конечно, не безграничны.

Давайте познакомимся с небольшими историями, поведанными корнями ***прав*** и ***печат***, которые встречаются во многих словах русского языка: *правый*, *править*, *управлять*, *правило*, *поправить*, *направить*, *право*, *прав*, *заправило*, *правительство*, *управляющий* и т. д.; *печать*, *печатник*, *печатный*, *впечатление* и т. д.

Присмотримся внимательно к этим словам, к их значениям. И мы увидим, что у корня ***прав*** несколько значений, внешне не связанных между собой. Кажется, что общего между словами *правда* (истина), *правление*, *правый поворот* (противоположный повороту налево)!

Близкая судьба у слов с корнем, который по своему значению соответствует корню ***прав***, и в других языках. Например, у французов слова, обозначающие *правую сторону* и *правителя*, восходят к одному и тому же латинскому корню ***rect*** *(рэкт)*, что значит „прямо“.

К латинскому корню ***rect*** восходят и немецкие, и английские слова, обозначающие „править“, „право“, „правительство“, „правая сторона“, а у англичан, кроме того, слова со значением „правда“, „правый“, „правильный“, „верный“, „подходящий“, „истина“, „справедливость“, „прямой“ и т. д.

Теперь обратим внимание на значение слова *прямой*. Его имел, как мы уже отметили, и наш корень ***прав***. И если *правой* стороне противоположна *левая* сторона, то *правде* — *кривда*, *ложь*. *Расправить* — это значит „сделать ровным“, „распрямить“, „сделать прямым“. *Прямой* и *ровный* совпадают в некотором отношении, а именно в значении „не кривой“. Видимо, „прямой“, „ровный“ — первое, наиболее старое значение корня ***прав***.

Об этом говорит и то, что от этого значения остались только отдельные следы в языке, и то, что латинское ***recte*** (*ре́ктэ*) — прямо — лишь в языках, потомках старой латыни, стало означать и правое направление.

Теперь посмотрим, какой корень в слове *справка*?

И здесь видим корень ***прав***.

Справиться — это получить, узнать правильные, правдивые сведения. Впрочем, у этого слова длинная история. Начинается она со значения „править“ — исправлять, улучшать, делать верным, т. е. того значения, следы которого сохранились, например, в слове *костоправ*. Рукописные книги после переписывания перечитывали и *правили*, т. е. исправляли допущенные писцами ошибки и описки. *Неправленные* книги продавать запрещалось, хотя и делали это довольно часто. Действие, которое выполнялось при правке рукописной книги, называлось *правление*.

Кроме правления, существовала *справка*. *Справляли* книги иначе, чем правили.

Справщик заглядывал в тексты различных книг и вносил необходимые исправления в *справляемую* книгу, говоря современным языком, редактировал книгу. Если *править* значило „исправлять ошибки“, то слово *справлять* в применении к книжному делу прошлых лет значило „исправлять в соответствии с текстом исправленной книги, источником“. Таких слов, имеющих приставку *с-* и обозначающих действие над двумя сопoложенными предметами, можно привести довольно много: *списывать, считывать, сопоставлять, сочетать* и т. д. Слово *справиться* постепенно в среде русских людей стало означать „проверить в достоверном источнике“, „узнать из достоверного источника“, даже если этим источником является не книга, а человек.

В XVIII в., когда работа справщика свелась в церковной типографии к сличению данного к набору текста с набранным, слово *справщик* в русских словарях начали пояснять заимствованным латинским словом *корректор*. Слово *корректор* в латыни распадается на две части: ***co-*** ***(-r)*** = *с* и *rector* = *правщик*. Но ни латинское *корректор*, ни русское *справщик* не были переводом с одного языка на другой.

Дело в том, что здесь почти одинаково развились значения корней, одинаково изменились представления людей.

В разных языках у слова со значением „правый“ развился ряд дополнительных значений. Но, пожалуй, для нас интересно, что во всех

случаях это слово приобретало почти одинаковые значения: первое, видимо первое по происхождению (сейчас уже в русском языке не существующее), — „прямой“; второе, связанное с этим значением, — „править“, „направлять“, „управлять“, „правитель“; третье, связанное со вторым, — „правда“, „справедливость“, „истина“; четвертое, вероятно близкое первому, — сторона, противоположная левой стороне.

Пожалуй, больше, чем во всех языках, повезло корню ***прав*** в русском языке: *правая рука*, *правое дело*, *оправдывать*, *право*, *правоведение* (наука о праве), *правота*, *правда*, *заправский* (настоящий), *исправить*, *направить*, *оправить*, *поправиться*, *приправить*, *справить*, *расправить* (сделать прямым), *правительство*, *правеж*, *праведник*, *правúло*, которым правят, и *прáвило*, которым руководствуются, по которому поступают, *правильный*, *правильщик*, *правитель*, *правдивый*, *правдивость*. При этом следует учесть, что многие слова с корнем ***прав*** имеют по нескольку значений: *право* — власть, полномочия; *право* — законы, *право на труд*.

А сколько значений у слова *правление*, вплоть до нынешнего выражения „*правление колхоза*“!

У слова *правый* появилось и совсем неожиданное значение. *Правые* (в политике) — реакционеры. Как же так? Дело в том, что в этом случае значение слова *правый* — „справедливый“, „правильный“ — не играло роли. Просто в парламенте Франции, собравшемся в годы Французской буржуазной революции, одном из пер-

вых в Европе, депутаты — сторонники революции — занимали места слева от президиума, и их назвали *левыми*, а реакционеры сидели справа — и их назвали *правыми*. В дальнейшем это значение перешло и в другие языки.

Вот видите, какие истории произошли с одним только корнем.

Множество значений приобрело за последние четыре-пять веков слово *печать*. Означавшее первоначально знак собственности, тавро, выжигаемое на шкуре скота, оно постепенно превратилось в обозначение любого знака. Следы этого очень обобщенного значения мы находим в народно-поэтических выражениях *печать горя*, *печать радости*, *печать здоровья*. Чаще всего печатью назывался знак, удостоверявший княжескую, а позже и царскую волю (обычно его привешивали к грамоте — это была литая из воска „вислая печать“), но мог это быть пряник с рисунком (изображением) — печатный пряник.

Знак, и особенно знак, получаемый не рукописным способом, — таково было значение слова *печать* в XVI в., когда на Русь стали приходить книги со знаками нерукописного происхождения. Уже при Иване III — за добрых три четверти века до начала книгопечатания в Москве — русские люди применяли слово *печатный* — несущий на себе печати (нерукописные знаки) — в новом значении. Они стали говорить о книге — *печатная* книга.

Очень скоро книжная *печать* оттеснила на второй план *печать*, прилагавшуюся к документу.

Новое слово быстро приобретало различные дополнительные значения, не все из которых сохранились до наших дней.

В XVII в. слово *печать* могло значить „печатный станок“, „типография“, „книгопечатание“, „издание“, а в XVIII в. дополнительно появились значения — „шрифт“, „алфавит“, „качество печати“ (*худа печать фигур*), в конце XVIII в. появляется еще значение — „совокупность всего напечатанного“, „вся печатная литература“, а в середине XIX в. это значение несколько сужается и слово *печать* начинает означать только периодические издания (газеты и журналы).

Много значений и у слова *печатать*. Мы чаще употребляем его не в смысле „изготовлять печатным способом“, а в значении „издать“, „опубликовать“ и даже „сообщить“. Этот переход значений вполне понятен, так как печатать было в XVIII — начале XIX в. единственным способом публикации для широкого сообщения. Эти значения слова *печатать* распространились среди читателей и писателей. А в среде печатников значение слова сузилось, и слово *печатать* стало обозначать „приготовление на печатном станке или машине указанного числа (тиража) оттисков“. С этим значением, только несколько измененным, — „получение некоторого количества одинаковых экземпляров“ — связано бытовое выражение „*печатать* фотографии“, хотя при фотографическом печатании типографская печать ни при чем.

Слово *печатный* получило значения, связанные с восприятием печатной книги как издания: *печатные буквы* — это буквы такого рисунка, какие употребляются в печатной книге; *непечатные выражения* — грубые, бранные выражения, которые нельзя допускать в печать, в книгу.

Несколько значений и у слова *печатник*. Конечно, речь идет не о ныне забытом значении — „хранитель печати“. Печатник значило „мастер печатных книг“, „хозяин типографии“ и „издатель“, „типографский рабочий вообще“ и, наконец, тот, кто работает на печатном станке.

Видите, как много значений развилось у слов с корнем ***печат***. Эти слова столь же многозначны, как и рассмотренные ранее слова с корнем ***прав***.

Развитие противоположных и противоречащих друг другу значений слова

Большой интерес представляет развитие у слова значений, противоречащих тем значениям, которые можно было бы ожидать от слова по его форме и корню. Так, например, слово *бесценный* в русском языке не означает „не имеющий цены“. Правда, купить что-либо *за бесценок* — это купить очень дешево, но само слово *бесценный* имеет совсем другое значение: слово *бесценный* характеризует обычно тот предмет, цену которого нельзя определить, ибо предмет слишком дорог и нет такой цены, которую можно было бы за него назначить.

Обычно слова с приставкой ***без-*** означают простое отрицание признака, выраженного корнем: *безбилетный* — не имеющий билета; *безбрежный* — не имеющий берега; *безвкусный* — не имеющий вкуса; *безвольный* — лишенный воли; *безграничный* — не имеющий границ; *безобидный* — не причиняющий обиды или вреда; *безуспешный* — не имеющий успеха; *бесконечный* — не имеющий конца; *бесполезный* — не приносящий пользы, результатов; *беспощадный* — нещадящий, жестокий, не знающий пощады; *беспричинный* — не имеющий причины; *бесстыдный* —лишенный стыда.

А *бесценный* вовсе не означает „лишенный цены", „малоценный".

Какая-то здесь, как видите, неправильность. То ***без-*** отрицало, а теперь вдруг стало утверждать и еще с такой силой. Приставка словно борется сама с собой, провозглашает противное своему смыслу.

Еще одно слово попало почти в такое же положение, как и слово *бесценный*. Это касается слова *бесчисленный*, означающего „столь многочисленный, что и сосчитать невозможно". Нет ему числа, трудно найти ему измерение, способное обозначить его, — вот что значит *бесчисленный*.

Посмотрим на значения других слов. *Беспомощный* — не тот, кому не оказана помощь, а тот, кто не способен сам себе помочь. С этим связано и другое значение этого слова: „плохой, которого нельзя поправить, которому нельзя помочь".

Беспокойный — это не только лишенный покоя, но и такой, который никогда не прекращает о чем-то заботиться, никогда сам себе не дает покоя, и такой, который мешает другим, лишает их покоя.

Ну, а как же в других языках?

Поляки со словами, соответствующими нашим *бесценный* и *бесчисленный*, поступили так же, как русские, а в других похожих случаях передали понятия с помощью иных по значению корней, не прибегая к отрицательной частице.

А у французов, англичан, немцев?

Там, где отрицание придает слову действительно отрицательный смысл, там все языки единодушны. Иное дело, если от сложения отрицания и корня получается не тот результат, которого следовало бы ожидать. Тогда каждый язык поступает по-своему, иногда употребляется слово другого корня, без отрицания.

Но вот относительно слов со значениями „бесценный“ и „бесчисленный“ языки поразительно единодушны, хотя английский, немецкий и русский языки прошлых веков предлагают и вариант с прямым значением отрицания (*лишенный цены* и *лишенный числа*).

Чем же отличаются эти два слова от всех остальных? Почему они столь своеобразны?

Это объясняется тем, что понятия, выражаемые ими, так сказать, обоюдоостры. Если цена становится бесконечно малой, то она исчезает, но если она беспредельно растет, она ведь тоже перестает, говоря языком математики, быть срав-

нимой, а следовательно, перестает существовать, теряет смысл.

То же самое происходит и со способностью числа быть подсчитанным. Оно теряет эту способность, приближаясь к нулю, но, когда оно стремится к бесконечности, с ним происходит то же самое. И этот закон математики отразился в значении слова.

Бесценный могло иметь, и действительно имело, значения недостаточной ценности и превосходящей всякие пределы, чрезмерной, ни с чем несравнимой цены. Похожее было и со словом *бесчисленный*.

Подобным ходом мысли объясняется и то, что русское слово *навсегда* на французский переводится *à jamais (а жамэ́)*—буквально, „на никогда".

Другие корни по самому своему значению могут означать и плохое и хорошее, ибо качество, которое они обозначают, может развиваться и в хорошее и в плохое. Польское *uroda* (уро́да), украинское *врода* означают, например, „красота", а они того же корня, что и наше слово *уродство*. Первоначально эти слова обозначали „прирожденное, полученное от роду качество".

А вот другая оценка человека. *Буйный* — исполненный сил, сильный. Однако избыток сил, употребленный неправильно, это *буйность* и *буйство*.

Нечто подобное произошло и со словом *лихой*. *Лихой солдат* — похвала, т. е. мы отмечаем, что солдат удалой, но есть и другие выражения, в которых значение

слова *лихой* иное — „злой“, „недобрый“, „тяжелый“, „тягостный“: *лихой час, лихая година, лихая сторона.* Плохое — это лишнее, ненужное. *Лихой* первоначально значило „большой“, „обильный“ и „до того обильный, что уже лишний“.

Злой может иногда значить „хороший“, например, *злой работник.*

В чем же дело? *Зло* работать — это работать с большой силой, с чувством, не жалея сил, как рассерженный, а потому уже и хорошо.

Еще больше неясностей возникает при рассмотрении значений слов и выражений, бытующих в разных славянских языках. Многие слова славянских языков имеют общие корни, но различные значения.

Что значит, например, выражение *борзый воз*? Для русского человека бессмыслица. *Борзой* в современном русском языке может быть названа только собака. А воз уж никак не может быть борзым. Все это правильно, но только *брзи воз* — это не по-русски, а по-сербохорватски, на языке сербов и хорватов, самых больших народов Югославии.

Что значит наше выражение *борзая собака*? Самая быстрая из всех охотничьих собак.

А *борзый конь*? Такое выражение можно встретить, например, в стихах А. С. Пушкина. *Борзый конь* — быстрый конь. *Брзо, борзо* — быстро.

Итак, *борзый* означает „быстрый“, „скорый“. В русском языке этот корень уже почти умер. А вот в сербском ***брз*** стал основным для обозначения скорости.

Теперь рассмотрим второе слово из сочетания *борзый воз*.

Воз. Это слово есть во всех славянских языках. Но у большинства народов оно осталось только названием старинного средства передвижения, а у русских стало названием меры сена. Поляки возом — *wóz* (*вуз*) — называют автомобиль. Вначале они называли автомобиль *samochodowy wóz* (*самоходóвы вуз*), но с исчезновением несамодвижущихся экипажей автомобиль теперь часто называют просто *wóz* (*вуз*) или *samochód* (*самóхуд*). А у сербов и хорватов слово *воз* использовано для названия всякого средства передвижения, в том числе поезда. Теперь все становится на свои места: *брзи воз* означает по-сербски „скорый поезд“.

Образ (от *резать — вырезать* рисунки) у жителей Древней Руси стало обозначать не всякий рисунок, а только изображение лица, портрет. Сербы пошли дальше, у них слово *образ* обозначало и самое лицо, а теперь означает даже часть лица — щеку.

Слово *скрип* обозначает довольно неприятный, режущий звук. Но инструмент, который, судя по названию, должен производить *скрип*, — музыкальный, и звуки его очень приятны для слуха. Это *скрипка*.

Слово *крупный* происходит от слова *крупа*.

Крупа означает „мелкая“, „измельченная“. Но зерна-то у крупы довольно большие. Дело здесь в том, что крупу сравнивают с мукой, которую также мельчат, протирают.

Видите, сколь сложна судьба слов, сколь интересна их история. Когда присмотришься к словам и выражениям, когда узнаешь их историю, то исчезают многие неясности, так называемые „противоречия“ в их значениях.

Возникновение у одного и того же слова или у слов с одним корнем противоположных значений очень своеобразная вершина развития многозначности. Обычно же с развитием многозначности возникают слова, одинаково звучащие, но имеющие разные значения.

Одинаковое развитие значений у слов в разных языках

Круг значений у слов в разных языках не совпадает, и все же иногда наблюдается одинаковое развитие значений у слов разных языков. Так и немецкое название работы *Arbeit (áрбайт)*, и русское слово *труд*, и слова многих других языков, обозначающие „работать“, означали ранее „страдать“, „мучиться“. Это происходило в связи с тем, что труд не доставлял радости, был подневольным. Кроме того, труд и работа всегда требовали и требуют напряжения, и это, возможно, тоже отразилось на одинако-

вом развитии в разных языках значения у слов, обозначающих „труд“ и „работа“.

С развитием техники, общей для всех народов, одинаковость в развитии значений слов проявляется в разных языках чаще.

Наше *стрела* и английское *line (лайн)* = линия около столетия назад имели довольно мало общего. *Стрела* то, чем стреляют, а линия — просто прямая. Но вот форма стрелы была использована русским языком для сравнения с линией. Линия, устремленная в одном направлении, стала называться стрелой. Создавались условия для того, чтобы у нашего слова *стрела* и у английского *line (лайн)* появились общие значения.

У башенного крана и экскаватора англичане вытянутую вперед балку назвали *line (лайн)* за подобие линии, а мы назвали ее за то же подобие — *стрела*. Теперь эти слова, по крайней мере в одном направлении, будут окружать себя приблизительно одинаковым кругом значений.

Чем теснее культурный обмен между народами, тем ближе сходятся между собой пусть даже и вовсе не родственные языки. Часто обороты одного языка просто переводятся на другой (к а л ь к а). При к а л ь к и р о в а н и и круг значения слова в одном языке пополняется значениями, которые имеет название такого же предмета в другом языке.

Особенно похоже развиваются круги значений в языках народов нашей страны. Это и понятно.

Ведь жизнь Украины и Киргизии, Российской Федерации и Эстонии идет по одному руслу. Русское *соревноваться* искони значит „состязаться“. Украинское *змагатися* (*змага́тыся*) в доoктябрьские годы значило „спорить“ (в таком смысле оно употреблялось еще в двадцатые годы нашего века), иногда „бороться“. С появлением социалистического соревнования, которое по-украински называли *соціалістичне змагання* (социалисты́чнэ змага́ння), круги значений слов *соревнование* и *змагання* сблизились и украинское *змагання* теперь имеет те же значения, какие имеет наше слово *соревнование*. Постепенно, в связи с появлением нового значения слово *змагання* потеряло даже свое старое значение „спор“.

Единство в развитии значений слов, множество калек очень облегчает в наши дни изучение других языков и перевод с них. Оно отражает тот факт, что народы мира все более сплачиваются в единую семью.

Особенности слов, относящихся к отдельным группам явлений

Повседневный опыт подсказывает нам существование определенной связи между явлениями, и вовсе не обязательно, чтобы эта связь была причинной. Связываются, например, явления со временем, к которому они приурочены. Мы уже упоминали о таких примерах: *завтрак* (утренний прием пищи). Связаны, например,

представления о труде и тяжести. У кочевых народов, которым имущество приходится постоянно возить с собой, связано представление о богатстве и обременительности: богатый и тяжелый, неудобный называют одним словом и т. д.

Таких связей, присущих словам, относящимся к отдельным группам явлений, немало. Для очень многих слов, связанных, например, с производством печатной книги, свойствен принцип, по которому всякий изображающий элемент называется так, как названо то, что должно быть изображено, или реже то, что изображено, называется так, как названо то, с чего получено изображение: *буквой* (или изредка латинским по происхождению словом *литера*, означающим в латыни „буква“) называется не только буква, изображенная на бумаге, но и металлический предмет, с которого получают изображение буквы. „В металле“, а не только на бумаге, есть строки, страницы, литеры, звездочки и множество других изображающих предметов, названных по названиям, присущим изображаемым ими предметам. Даже не дающий печатного изображения, а оставляющий чистым край, поле страницы, пробельный элемент называется итальянским по происхождению словом *марзан* (от *margino*), обозначающим в языке-источнике „край страницы“.

То, что корректор делает на бумаге, наборщик повторяет в металлической форме и, подобно корректору, *правит, выбрасывает* или, как писалось в первом типографском учебнике, „делает

ошибки“ или, как мы говорим теперь, „правит корректуру“, хотя оба слова и оба выражения относятся к бумаге.

Некоторые названия прошли обратный путь. Так, например, *заглавие* первоначально означало страницы перед главами, а позже стало означать и помещавшиеся на этих страницах названия произведений. Отсюда и наше слово *озаглавить*, т. е. назвать произведение.

Как видите, развитие значений слов отражает связь между явлениями и процессами, называемыми этими словами. Этих связей много, они различны и очень часто бывают необычайно сложными.

Действие и его результат. Предмет и его назначение

Что значит *шить?* — Действовать иголкой и ниткой и изготовлять одежду, начиная с кройки, когда еще не шьют. *Печь* — держать в печи и духовке и приготовлять печеную пищу, начиная с приготовления, замешивания теста, когда вовсе еще не пекут. *Печатать* — работать на печатном станке и изготовлять печатную книгу, начиная с набора ее текста. Таких примеров узкого и широкого значения слова можно привести множество. Но вот у слов *кроить*, *месить*, *набирать* такого яркого различения узкого и

широкого значения нет. Этим свойством обычно обладают слова, называющие действие, результатом которого является уже готовый к употреблению или почти завершенный продукт. Результат промежуточных действий не приобретает завершенности. Поэтому мы *шьем* пальто, а не *кроим* и не *утюжим* его (если хотим сказать о его изготовлении), *печем* пироги, а не *замешиваем* и не *посыпаем* их сахаром (опять-таки речь идет о названии для всего процесса изготовления).

Здесь мы подошли к очень интересному различию между представлениями о действиях и обозначающими их словами: есть слова, обозначающие действие и его результат, а есть слова, обозначающие действие независимо от его результата. Как правило, вторые чаще употребляются в профессиональной речи. Если, вообще говоря, корректор *правит корректуру*, то есть и еще слова *читать* и *марать*, которые называют его действия, не называя их цели. Французский печатник просто тянул [*tirer* (*тирé*)—тянуть] ручку печатного станка, и слово *tirer* (*тирé*) приобрело значение печатать, даже печатать фотографии.

Вполне понятно, что вовсе не обязательно указывать на цель действия для того, чтобы его произвести, иногда достаточно и даже полезнее назвать самое действие. Ведь бесполезно говорить ребенку *включи приемник*, если он не

знает, как это делается, но достаточно сказать *поверни ручку* или *нажми клавиши у приемника* — и малыш сделает то, что нужно.

Похожие различия есть и в названиях предметов. Большинство названий частей печатного станка в немецком языке называют эти части не по назначению, а так, как они видятся человеку, не знающему их назначения: палка — *Bengel (бэ́нгель)*, кирпич — *Tiegel (ти́гель)*, рамка — *Rämchen (рэ́мхен)*. И детали печатного станка и целые детали печатной формы назывались просто *штуки* — *Stücke (штю́ке)*. В русском языке цельная деревянная печатная форма называлась просто *доска*, тигель печатного станка назывался *пятник* (ср. название *свиного рыла* — *пятачок*).

Конечно, в наше время, когда название предмета часто осмысливается по его назначению, мы реже встречаемся со случаями называния предмета без указания на его назначение. Выбор слова для названия действия с указанием на его результат или без этого указания, слова для названия предмета с указанием на его назначение или без этого указания во многом зависит от того, в каком положении находится называющий по отношению к предмету, от того, что он видит в явлении, предмете наиболее ярким, основным.

Еще о развитии значений

Еще одним условием, вызывающим появление нового слова или выражения, является возникновение системы представлений там, где раньше было только одно представление. Так, в XVII в. в России начинают различаться печатание книг с цельных деревянных или медных гравированных досок и основной до этого у русских способ печати с набора. И тотчас же в книгах стали появляться указания „печатано *с набора литер*“, „печатано *с медных досок*“ и под. Эта система — система соотношения, соположения, соподчиненности представлений. В такой системе часто смерть одного представления вызывает и смерть второго: оно становится ненужным потому, что к нему нет пары, что оно ничему не противополагается. Когда стали крайне редкими книги, печатанные с досок, исчезло одновременно и указание на то, что „печатано *с набора литер*“. Об этом нечего было говорить. Это само собой разумелось.

Бывают и другие системы представлений. Так, иногда представление указывает на место предмета в какой-то действующей системе, на его функцию в этой системе. В системе представлений о ручном наборе было и есть представление об инструменте, в котором устанавливаются и выравниваются („верстаются“) набираемые литеры, составляется строка. Когда была создана машина, отливающая сразу целую строку, та

часть ее, где составляется строка, получила название *верстатки*, т. е. она стала называться тем же словом, что и существовавшее раньше приспособление.

Листы бумаги, склеивающие между собой переплет и книжный блок (сшитые листы книги), в немецком языке, а от немецких переплетчиков у наших русских людей получили наименование *форзац* — *Vorsatz: vor* — впереди, *Vorsatz* — „помещаемое впереди". Есть форзац и в конце книги; ему бы здесь именоваться иначе, но место его в системе „переплет — книга" одинаковое и сзади и спереди, и название поэтому и у переднего и у заднего форзаца одно: „помещаемое впереди". Зато у англичан и передний и задний форзацы называются „бумага в конце" — *end-paper (энд пэ́йпа)*.

Слова, связанные с подобными представлениями, чаще получают новые значения. Обычно это называется переносом названия по функции.

Многозначность — важное и естественное свойство слова

Многозначность присуща слову в силу самой природы слова, того, что слово есть представитель предмета. Поскольку предмет выступает в разных связях и взаимосвязях, постольку и в слове, называющем его, могут находить выражение то одни, то другие признаки, указанием на которые это слово становится.

Многозначность позволяет слову развивать свои значения, а язык, пользуясь многозначностью слова, создает новые названия на основе уже существующих.

ИЗМЕНЕНИЯ В ПОНЯТИИ, ОБОЗНАЧАЕМОМ СЛОВОМ

Изменение значения слова в связи с изменением понятия о предмете

Раньше мы говорили о таких случаях, когда слово благодаря тому, что называемый им предмет обладает общим признаком с неким новым предметом, начинает использоваться для обозначения также и этого нового предмета. Иначе говоря, происходит перенос названия. Изменяется не значение слова, а содержание того понятия или представления, с которым это слово связано в нашем сознании.

Сейчас рассмотрим другой случай — название остается при том же предмете, но сам предмет, его сущность изменяются. Так, например, в старину слово *книга* употреблялось для названия рукописной книги, теперь то же самое слово служит для обозначения книги печатной. Здесь не происходило переноса названия — изменился способ изготовления предмета, сам предмет, обозначаемый словом.

Иногда такое изменение трудно отличить от перенесения по функции. Когда вместо птичьего (гусиного) пера начали писать металлическими перьями, изменилось содержание называемого предмета — слово осталось то же, а предмет уже другой. В то же время есть и какое-то основание считать, что *металлическое перо* названо *пером* по сходству функций.

С переходом к металлическим перьям изменилось и содержание слова *перочинный*. *Перочинный ножик* предназначался для того, чтобы чинить *перья*. Теперь это название небольшого складного ножика, которым если и чинят, то карандаши. Новое значение слова родилось не столько в результате переноса по сходству, сколько в результате изменения назначения предмета.

Изменение содержания предмета, и в том числе нашего представления о нем, процесс обычно постепенный, но зато происходящий неуклонно и повсеместно. Слово *самолет*, например, около пятидесяти лет назад имело то же значение, что и сейчас, — летательный аппарат тяжелее воздуха. Однако современный самолет настолько отличается от самолета начала века, что можно, пожалуй, говорить о новом значении слова. Рассмотренное нами раньше выражение *бреющий полет* решительно изменило свое значение именно в результате изменения самого представления о бреющем полете, превратившемся из неудачи слабого летчика в искусство, требующее высшего качества пилотажа.

С трудовой практикой человечества, с успехами человеческого познания, с историческими изменениями в отношениях между людьми связано изменение в содержании слов. Новое содержание понятия делает слово носителем новых признаков и позволяет слову развивать новые значения.

Так, греческое слово *electron (электрóн)* обозначало в древности „янтарь“, при этом оно указывало на внешний вид — лучистый. Такова была первая грань, которую люди выделили как признак в янтаре. Позже в янтаре было открыто оригинальное свойство: если его натереть, то он начинает испускать искры и притягивать к себе различные легкие предметы, например листки бумаги. Это свойство было приписано особой силе, будто бы находящейся в янтаре и названной за то во всех языках словами, имеющими в своей основе греческое название янтаря. Отсюда в русском и во многих других языках слово *электричество.*

Наше слово *город* связано с корнем *град.* Городом в древнерусском языке называли крепость, огороженную забором из столбов, каменной оградой. Следовательно, город был огражденный, замкнутый, закрытый. В Киевской Руси было множество крепостей, столько, что скандинавы называли ее *Гардарика* — „страна крепостей“ (а не страна городов, как иногда объясняют). Любопытно, что строителей крепостей называли *огородниками.*

В одном из языков германской группы — древнесеверонемецком — слово *tun* (тун) (тот же индоевропейский корень, что и в нашем *тын*) означало „изгородь“, „огороженный луг перед домом“, „город“. Ныне *town* (*та́ун*) в английском языке значит „город“. О том, что под *градом* в старые времена у славян имелась в виду именно крепость, у западных славян за́мок, свидетельствует, между прочим, и название Пражского кремля — *Hrad* (*Град*).

Первоначальное значение слова *Кремль* — „огражденный“, „огороженное место“. Кое-где еще сохранилось слово *кремь*, обозначающее часть засеки, где растет лучший лес. Видимо, в слове *кремль* тот же корень, что и в слове *крома* — „кромка“, „край“, „граница“. *Кремь* — обозначало стену, ограждающую град.

Признак, который был основным и по которому город был назван, больше не существует, и содержание, которое имело слово, изменилось. Раньше речь шла об укрепленном месте, теперь о крупном населенном пункте, промышленном и культурном центре. И когда мы говорим *это село — настоящий город*, то имеем в виду не те признаки, по которым когда-то укрепленному месту было дано название *город*, и не то, разумеется, что село это — неприступная крепость, а признаки, общие у этого села с современным городом.

Изменения в содержании понятий, приводящие к сближению слов

Говоря о жизни слова, нельзя не рассказать о том, как слова, называвшие ранее по различным признакам различные понятия, сближаются в связи с тем, что произошло изменение в содержании этих понятий, сблизившее их. Так, например, рассмотрим слова *человек* и *люди*.

Ближайший родич слова *люди*, слово *люд* у нас сравнительно мало употребляется, а вот в польском и чешском языках пользуются им довольно широко. Обозначает оно в этих языках народ, точнее — народные массы, коллектив. Дело в том, что народ в смысле „племя“, „нация“ обозначается здесь словами *naród* (нáруд), *narod* (*нáрод*). Зато газета польских коммунистов, например, называется „*Tribuna Ludu*“ („*Трибýна лю́ду*“) — „Трибуна народа“. У французов „множество людей“ обозначают словами, образованными от корня, означающего „родить“; у англичан — множественным числом от слова, обозначающего „народ“; у немцев — словом того же индоевропейского корня, что и наше слово *люди*.

Таким образом, во-первых, во многих языках часто называют множество людей словом иного корня, чем название одного человека. Во-вторых, название *люди* связано со значением народ, племя.

Теперь выясним, каково значение слова *человек*.

Человек — это представитель рода человеческого, в отличие от животного; *человек* — это тот, с кем мы ежедневно встречаемся на работе, в быту; *человек* — это... трактирный слуга в старой России, это просто слуга у помещика и это же крепостной. Украинцы употребляют слово *чоловік* (*чоловйк*), чтобы назвать мужа, супруга, а также и просто мужчину. И это слово у них имеет множественное число: *чоловіки* (*чоловйкы*), обозначая „мужья".

И в других языках почти одинаково слово, обозначающее одного человека, называет также существо мужского пола, супруга, слугу, а также указывает на неопределенно-личное и обобщенно-личное значения.

Правда, не во всех языках это наблюдается. Вот в русском языке, например, слово *человек* не означает супруга, мужа. Но зато *муж* означало, а иногда и сейчас означает „человек", правда, особого человека — смелого, боевого и, разумеется, мужского пола.

Два разных слова, обозначающих человека, — *человек* и *муж*, а каждое окружило себя приблизительно одинаковым венцом значений. Словно обязательно, чтобы человек был мужчиной, чтобы он был супругом, солдатом, героем или слугой.

А люди словно обязательно должны быть массой, народом, племенем.

То, что слово *человек* применялось к лицам мужского пола, связано с тем, что женщина веками была бесправна, что ее даже не считали человеком.

Вспомните строки из поэмы Н. А. Некрасова „Мороз, Красный нос“, написанной в 1863 году.

Три тяжкие доли имела судьба,
И первая доля: с рабом повенчаться,
Вторая — быть матерью сына раба,
А третья — до гроба рабу покоряться,
И все эти грозные доли легли
На женщину русской земли.

Но в нашей стране женщина заняла полноправное положение в обществе. И замечательно, что теперь, когда содержание слова с ходом истории изменилось, мы можем сказать о женщине: *она хороший человек.*

Почему *человек*-мужчина означает еще и муж, супруг, очевидно, не требует разъяснения.

Понятно также, почему мужчина-*человек* означало и воина, и героя. Жизнь требовала от мужчины быть воином, героем. Похоже получилось с сербским словом *ю́нак* и с нашим словом *молодец*, обозначающими молодого, в расцвете сил мужчину. Эти слова начали означать „герой“.

Любопытно, что от корня ***муж*** образованы слова *мужество*, *мужественность*, обозначающие черты, характерные, в первую очередь, для воина, борца, а от слова *человек*, появившегося позже, слово *человечность*, называющее черты, присущие человеку, независимо от пола.

А как обстоит дело со значением человек — слуга? Таких переходов значения много: слова

хлоп, *холоп* значили у славян „невольник", „человек зависимый, относящийся к определенной эксплуатируемой общественной группе", а теперь *хлопец* — просто молодой парень. У немцев *Knabe* (*кна́бэ*) — юноша — значило раньше и „слуга", у сербов *мла́дич* также имело оба эти значения. Постепенно выходящее из употребления название крестьянина *мужик* означало просто маленького мужа, т. е. маленького, молодого человека. Но ведь мужиками стали в дальнейшем называть крепостных, а потом вообще неграмотных, необразованных людей, подчеркивая как бы этим словом происхождение человека. Название *отрок* — юноша — указывает на того, кому отказано в праве говорить на вече. У многих восточных народов слова, обозначающие „молодой", принимали значение неразумный — глупый. Так же было и с наименованием слуги.

В Киевской Руси, где существовало деление общества на *мужей*, людей вельможных и выдающихся (так уже, по крайней мере, считалось), руководящих воинами; на *смердов* — крестьян, челядь; люди свободные, но не вельможные, составляли *вои* (войско), *воинов*, служивших государству. И человек был то ли благородный *муж* (не потому ли более старое слово для человека *муж* и значит в русском языке не слуга, а герой), то ли *холоп*, *смерд*, то ли *слуга*, *челядь*, то ли *людин*.

Слово *люди* в Древней Руси определяло прежде всего общественную группу. Но общественная группа эта обрела, пожалуй, особое свой-

ство. Действительно, один холоп, смерд или множество холопов, смердов делали одно и то же. Муж, пожалуй, и один мог стоять во главе войска. А вот люди? В них была вся сила державы. Собравшись вместе, они составляли ее войско, предводительствуемое мужем. Поодиночке они не имели этого бросающегося в глаза значения. В обычное время большинство людей — свободных — все же были подданными князя, и один человек, *людин*, имел хотя вполне самостоятельное, но совсем другое значение. Он и один мог выполнять свою определенную работу. Но в общегосударственной должности людей — в защите державы — один он был бы бессилен: один в поле не воин.

Но такое объяснение истории слова *люди* касается только славян. А чем же вызваны похожие особенности слов со значением „человека" и „люди" в других языках? Очевидно, похожими историческими условиями, похожим содержанием понятий.

Слова, переводящиеся с других языков на русский при помощи слова *люди*, во многих языках либо имеют значение „народ", либо оказываются одного с называющим народ словом корня. Слово другого языка, переводимое нами при помощи слова *люди*, обозначает обычно массу, коллектив.

Мы и сейчас прекрасно знаем: что под силу коллективу, то не может сделать один. Пожалуй, в давние времена, когда человек был слабее перед природой, это бросалось в глаза почти

на каждом шагу, и составляющая коллектив частичка не могла быть названа по его названию — от *люди* — *людин*. Ведь это были совершенно разные вещи.

Выше уже говорилось, что наряду со словом *мужественность* появляется слово *человечность*. Оно обозначает качество, присущее человеку вообще, независимо от пола. Подобно этому появляется и понятие о человеке и людях, не связанное с их количеством.

С изменением содержания понятий *человек* и *люди* становится возможным образование от одного корня названий и для человека и для множества людей. Стремление к этому наблюдается во многих современных языках.

Рассказ о слове *колониальный*

Иногда изменение содержания понятий наряду с изменением содержания относящихся к ним слов приводит к замене слов, связанных со старым содержанием. Очень показательный пример этого дает история слова *колониальный*.

Колониальный, очевидно, означает „относящийся к колонии", а *колония* — это зависимое государство.

Но латинский корень **colo** (*ко́ло*), от которого это слово ведет свое происхождение, вовсе не указывал на зависимость, вовсе не обозначал

ни государства, ни страны. Он указывал... на обработку почвы.

От значения „обрабатывать землю“ родилось другое — „вести сельское хозяйство“. Вольноотпущенник, ведущий свое хозяйство, назывался в древнем Риме *colonus* (*колóнус*) — *колон*, т. е. что-то близкое нашему слову *колонист*. Если люди выезжали за город и вели там хозяйство, они основывали *колонию*. Это значение слова *colonia* (*колóния*) переходило из языка в язык и до сих пор сохранилось у нас. Мы говорим о *колониях* новых поселенцев.

Древние народы основывали свои поселения далеко от родной земли. И слово приобретало постепенно новое содержание. *Колония* стало означать „поселение за пределами родины“. В средние века с развитием мореплавания колониями стали называть дальние страны, завоеванные европейцами, страны, в которых селились выходцы из европейских держав, покоряя и уничтожая при этом местное население.

От слова *колония* со значением „далекая страна, завоеванная европейцами“, было образовано прилагательное *колониальный*. Изменения его содержания в русском языке интересны.

В прошлом веке *колониальный* означало просто „привезенный из далеких азиатских или африканских стран“. Магазины, продававшие различные привозимые издалека товары, особенно пряности, назывались „*Колониальные товары*“. Была такая вывеска на магазине, которым владел отец А. П. Чехова.

Еще сто лет назад в „Толковом словаре живого великорусского языка“ Владимира Ивановича Даля о слове *колония* сообщалось: „*Колония*... — население иноземцев, поселок выходцев, переселенцы из другой земли. *Колониальный*, гов. о товарах, привозимых из Западной Индии; *колониальные товары*, пряности, сахар, кофе и пр. *Колонист-*, *-тка*, поселенец из другой земли; переселенец, занимающийся земледелием; всельник, посельщик, поселенец, выходец“.

Но шло время, изменялась политическая жизнь, расширялся кругозор людей, и они стали видеть в колониях уже не столько далекие страны, сколько страны, которые служили источником богатства для других государств — их хозяев. В это время слово *колониальный* начало обозначать уже не „привозимый из далеких стран“, а „имеющий колонии“.

Колониальными державами стали называть, например, Англию, Францию, Италию, Бельгию. Это было понятно. То, что у этих государств были колонии, делало державы могущественными, о том, что держава имеет колонии, стоило говорить.

Но вот сейчас в газетах можно встретить выражение: „Все более возрастает значение народноосвободительного движения *колониальных* и зависимых стран Азии и Африки“.

Что же значит *колониальный*?

В наше время столкнулись два значения слова *колониальный*. Одно старое, но еще живое — „имеющий колонии“, другое молодое, недавно родив-

шееся — „бывший колонией“, „еще пока остающийся колонией, но уже скоро свободный“. Значения противоположные.

Итак, *колониальный* значило сначала „привозимый из колонии“, затем „имеющий колонии“, и, наконец, „бывший колонией или зависимый“.

Есть ли что-нибудь общее в этих трех значениях?

Если мы заинтересуемся, какой именно смысл придает слову суффикс ***-альн-***, то грамматика нам ответит: имеющий отношение к тому, что названо корнем. Например, *театральный* — имеющий отношение к театру; *танцевальный* — относящийся к танцам, и т. д. Очень неточное определение значения, конечно. Но именно эта неточность и сделала возможным то, что произошло со словом *колониальный*.

Было время, когда большую часть людей, говоривших по-русски, колонии сами по себе вовсе не интересовали. Тогда в языке слово *колониальный* употреблялось лишь в одном смысле, в том, в котором оно имело некое существенное, отличительное значение: колониальные — привозимые издалека.

Но вот выросшую русскую разночинную интеллигенцию, рождавшийся рабочий класс России заинтересовали проблемы экономики, революционная борьба против самодержавия, эксплуатации, и слово *колониальный* было применено к странам, имеющим колонии. Значение „привозимый из колонии“ отмерло, потому что такая группа товаров перестала выделяться.

И вот в наши годы новый поворот, который связан с Великой Октябрьской социалистической революцией. После победы Великого Октября с каждым годом все более важной силой в международной политике становятся страны, из которых раньше только вывозились богатства. О когда-то малозаметных колониях начали писать и говорить ежедневно, их названия не сходят со страниц газеты. Народы зависимых стран стали важной силой в мировой истории.

Появилось новое слово *колониализм*, обозначающее систему господства над колониями. Появилось это слово потому, что против этой системы началась борьба, потому что эта система стала предметом общего внимания и ее надо было назвать. В это время и перекочевало слово *колониальный* от одних хозяев к другим, от тех, кто угнетает, к тем, кого еще до сих пор угнетают.

Когда-то говорили *колониальные державы*. Слово *державы* указывало на их особую мощь. В новом своем значении *колониальный* относится к *странам*, только еще выходящим из зависимости, еще слабым, и не удивительно, что о них мы говорим не *колониальные державы*, а *колониальные страны*.

В этом случае изменение содержания понятия (значение, которое имеет обладание колониями, и роль, которую колонии играют в жизни мира) привело к передвижению названия.

Теперь страны, имеющие колонии и пытающиеся их как-то сохранить, называются по-но-

вому — не *колониальными*, а *колонизаторскими*. Если суффикс ***-альн-*** только указывал на отношение к данному корню, то строение нового слова, с суффиксом ***-аторск-***, сложнее, но значение его определеннее. Развитие этого значения, как и звукового оформления слова, происходило одновременно и одинаково в нескольких европейских языках, причем они взаимно влияли друг на друга.

Колонизовать — значило ранее, по связи со значением „новое поселение", „освоить новую землю". В послевоенные годы, когда проблема колониализма стала во весь рост, под влиянием слова *колониализм* оно приобрело значение „превратить в колонию". В это же время с суффиксом ***-атор-***, означающим действующее лицо или инструмент, появилось слово *колонизатор*. Имеющий характер, определяемый корнем, — таково значение суффикса ***-ск-***, с помощью которого было создано слово *колонизаторский*, с гораздо большей точностью, чем прежнее название, определяющее наше представление о странах-колонизаторах.

Два пути изменения значений слова

В этом разделе вы прочитали о том, что значение слова изменяется с изменениями в содержании представления, которое это слово обозначает.

В предыдущем разделе говорилось о том, что значение слова изменяется в связи с тем, что

два предмета совпадают какими-то своими гранями.

Таким образом, мы видим два пути изменения значения слов. Один связан с изменениями в предмете, в нашем представлении о нем и основан на связи между звучанием слова и нашим представлением о называемом им предмете.

Другой путь, связанный с явлениями многозначности, зависит от выделения в предмете различных признаков. Естественно, в языке два эти пути не разграничены, развитие значений любого слова может одновременно идти по тому и по другому пути.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СЛОВАМИ

Что такое словарный состав языка

До сих пор мы говорили об одном, изолированном слове, теперь же пойдет речь о связях и отношениях между словами — о словарном составе языка.

Словарный состав — это все слова, существующие в данный момент в нашем языке. Люди, говорящие на данном языке, все вместе владеют всем словарным составом своего языка, пользуются этими словами (слова, которые человек употребляет в своей речи, — это его активный словарь), понимают их. Словарный состав разных языков различной

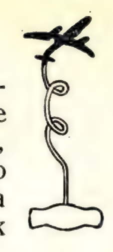
величины. Это зависит от многих особенностей языка, но прежде всего от культуры народа, говорящего на этом языке. По многу сот тысяч слов содержит словарный состав русского, арабского, английского, французского, немецкого и других языков.

С каждым новым рождающимся понятием приходит в язык новое слово, с умирающим понятием уходит старое (следует при этом учесть, что не обязательно умирает или рождается звучание, но почти всегда умирает или рождается значение). Значения и звучание разных слов взаимодействуют между собой, влияют друг на друга, они как бы составляют систему, причем изменение положения одного члена системы влияет, пусть едва заметно (ибо одно слово — это один из сотен тысяч участников ее), на другие ее члены.

Словарный состав языка — это своеобразное членение в нашем сознании существующего вне нас мира, и, поскольку с успехами человеческого познания, с развитием культуры и техники мир, люди, все вокруг нас предстает каждый раз по-новому, обновляется и словарный состав языка, изменяются отношения между членами этой системы.

Различные членения в словарном составе языка

Слова можно разделить на у п о т р е б и т е л ь н ы е, м а л о у п о т р е б и т е л ь н ы е и н е у п о т р е б и т е л ь н ы е. Обычно человек поль-

зуется одной-двумя тысячами наиболее употребительных слов. Писатели вместе с более употребительными используют и другие слова, перешагивая через границу десяти, а очень редко двадцати тысяч слов. Неупотребительные слова обычно требуют, чтобы их поясняли, так как они понятны очень малому числу людей.

Среди малоупотребительных и неупотребительных выделяются слова, которыми пользуются только в определенной местности (да и то обычно люди старшего поколения), — диалектизмы, вроде *ко́чет* — петух, *бирю́к* — волк, *алабо́р* — порядок; слова, которыми пользуются люди определенной профессии, так называемые профессионализмы — *штопор*, *вираж*, *пике* — у летчиков; слова, употребляемые только определенной группой людей, которые с той или иной целью хотят говорить не так, как все (либо чтобы их не могли понять, либо получая весьма странное эстетическое удовлетворение от „силы" и „свежести" своего языка) — жаргонизмы.

Жаргонизмами пользовались нищие, торговцы, бурсаки, теперь иногда ими „щеголяют" школьники и студенты.

Слова основного фонда в большинстве случаев (это понятно) употребительные. В силу своего значения и употребительности они живут многие века, переживая других своих ровесников, переживая суффиксы и приставки, меняя звуковую форму, и поэтому в языке, к которому они

принадлежат, выглядят немотивированными, непроизводными.

Здесь мы подошли еще к одному членению слов — на производные и непроизводные, т. е. корневые. Конечно, каждое слово рождается от другого слова одним из перечисленных в этой книге путей. В этом смысле все слова производные. Но в одном слове любой говорящий по-русски способен увидеть связь с тем словом, от которого оно образовано. Это наблюдается в тех случаях, когда образуются новые слова с теми суффиксами и приставками, которыми мы широко пользуемся сейчас, когда мы имеем дело с недавно созданными сложными словами. В других случаях, чтобы определить, каким путем слово создано, нужно иметь особые знания и часто не только знания русского языка.

По этому признаку мы различаем и делим слова в нашем языке на производные и непроизводные.

Слова основного словарного фонда живут веками, хотя и они в какое-то время появляются в языке и в какое-то время отмирают. Слова, не входящие в основной словарный фонд, умирают быстрее, а рождаются чаще. Естественно, что умирающие и только рождающиеся слова относятся (первые полностью, а вторые довольно часто) к малоупотребительным. Умирающие слова называются архаизмами [от греческого *arche* (а́рхэ) — старый]. Они бывают двух типов. Одни слова умирают потому, что умерли понятия, с которыми они были связаны.

Так, например, нет теперь *княжьей дружины* — и в этом значении слово умерло, хотя и возродилось в ином значении: *народная дружина, пионерская дружина*. *Алтынный, семишник* и *ассигнация* стали архаизмами с исчезновением предметов, обозначаемых этими словами.

Умирают слова и потому, что их сменяют другие, ставшие по каким-либо причинам более яркими, выразительными, а в связи с этим более употребительными. Так, слово *глаза* заменило слово *очи*, которое стало архаизмом, *губы* — *уста*, и т. п. Наконец, изменяется значение слов. А. С. Пушкин в повести „Капитанская дочка" пишет о *возмутительных* листах Пугачева, имея в виду то, что *возмутить* значит „поднять крестьян на борьбу".

Интересно, что в „Толковом словаре живого великорусского языка" Владимира Ивановича Даля, в этой „сокровищнице меткого народного слова", как очень ярко охарактеризовал словарь В. И. Даля акад. В. В. Виноградов, вышедшем во второй половине XIX в., слово *возмутительный* поясняется довольно близко к толкованию, даваемому ему во времена А. С. Пушкина. В. И. Даль пишет: „*Возмутительный*, производящий беспокойство, тревогу; противный нравственности, нравственному чувству; побуждающий к возмущению".

Теперь слово *возмутительный* имеет, как скажет каждый, иное значение. Раскроем второй том выходящего сейчас многотомного „Словаря современного русского литературного

языка“ и на стр. 580 прочитаем: „*возмутительный*, *-ая*, *-ое*, *-лен*, *-льна*, *-о*.

1. Вызывающий чувство негодования. *Возмутительная жестокость.*

2. *Устар.* (т. е. устаревшее. — М. Ф.) Побуждающий к возмущению, восстанию, мятежу. *Пугачев несколько раз подступал под Оренбург со всеми своими силами... Не раз находил он способ доставлять жителям возмутительные свои листы.* Пушк. Ист. Пуг., ч. I, гл. 3.“

Видите, то значение слова, которое было распространенным, известным всем во времена А. С. Пушкина и В. И. Даля, в наши дни считается устаревшим, уходящим из языка.

Рождающиеся слова называются неологизмами [от греческих корней *neo* (*нéо*) — новый и *logos* (*лóгос*) — слово]. Неологизмы рождаются постоянно, и если обозначаемый ими предмет или понятие играют известную роль в жизни народа, то они становятся употребительными и долго живут. Таков, например, неологизм начала века *самолет*, наши недавние неологизмы *спутник* (в новом его значении), *космонавт*, *космодром*, *лунник*. Это как бы слова, противоположные архаизмам первой группы. Архаизмам второй группы как бы противоположны те неологизмы, которые более ярко и точно называют предмет или признак, имеющий старое, „стертое“ название.

Есть и неологизмы, которые почти совсем не употребляются в живой речи. В основном это

слова, которые придуманы писателем или поэтом хоть и по правилам языка и потому понятные читателю, вроде слова *громадье (Я планов наших люблю громадье.* В. Маяковский), но применимые в силу своего особого значения и звучания, пожалуй, только тогда, в том месте и времени, где их употребил писатель.

Еще одно деление слов — стилистическое — по тому, какую окраску придают слова тому, что мы пишем и говорим. Очень грубо это деление можно провести на группы: слова нейтральные, не придающие нашей речи никакой дополнительной окраски — *хлеб, соль, синий, поезд*; слова поэтические, приподнятые, возвышенные, сравни: *боец* и *воин*, *смерть* и *кончина* и т. п.; слова просторечные, разговорные, непринужденные: *ошпарить, заглянуть* (к кому-то в гости), *прихворнуть* и под.

Много примеров, показывающих стилистические различия слов в русском языке, можно найти в очень интересном и полезном «Кратком словаре синонимов русского языка», составленном В. Н. Клюевой. (Этот словарь вышел двумя изданиями. Последнее издание вышло в Учпедгизе в 1961 г.)

Мы, конечно, отметили не все деления, которые можно провести в словарном составе. Укажем еще на отношение между словами в зависимости от их значения и от их звучания.

Слова со схожими значениями — *синонимы*

Греческое слово *син* означает *с*, *онома — имя*. Синонимы — это слова, сходные, близкие по смыслу, выражающие почти одно и то же понятие, можно даже сказать одну и ту же грань понятия, но все же различные стороны этой грани[1]. Если учесть, сколько различных путей есть для возникновения названия, то вполне естественно, что при появлении предмета или понятия в сознании говорящих в одном и том же языке может появиться несколько названий его, несколько слов с одинаковым значением. Даже африканскому животному, которое знали только из книг, обитателю вод, внешне напоминающему корову, дали в нашем языке два названия: одно, заимствованное из древнееврейского, — *бегемот* (это значит по древ-

---

[1] В настоящее время Институт русского языка Академии наук СССР приступил к составлению большого словаря синонимов русского языка. Один из составителей этого словаря, А. П. Евгеньева следующим образом определила в «Проекте словаря синонимов» (изд. «Советская энциклопедия», М., 1964), что такое синонимы: «Синонимы — слова, близкие или тождественные по своему значению, обозначающие одно и то же понятие, но отличающиеся друг от друга либо оттенками значения (близкие), либо синонимической окраской (тождественные), либо обоими этими признаками (идеологические и стилистические, по определению акад. В. В. Виноградова)».

неевррейски — „корова”, название по сходству), другое, заимствованное из древнегреческого, — *гиппопотам* (название тоже дано по сходству, и если перевести его по частям на русский язык, то получится „речная лошадь“).

Слова *гиппопотам* и *бегемот* обозначают одно и то же, не различаются даже оттенками и поэтому называются **абсолютными синонимами**.

Абсолютные синонимы — явление очень редкое. Если в языке имеется несколько слов для обозначения одного и того же предмета или явления, то язык стремится придать каждому слову **иное значение**, какой-то **свой оттенок**. Так, *лошадь* — проще, а *конь* — величественнее. *Поле пашет лошадь, всадника несет конь.*

Одно и то же *умереть* и *скончаться*, да не совсем, а *погибнуть* — это уже и совсем другая грань все того же понятия; *уснуть* (в значении „умереть“) еще новый его оттенок.

Если языку не удается придать синонимам различные оттенки, он отбрасывает лишние слова за ненадобностью.

Если слова *гиппопотам* и *бегемот* сохранились одинаково в языке, то это произошло потому, что оба слова малоупотребительны.

А вот уже у слов *самолет* и *аэроплан* судьбы сложились иначе.

Слово *самолет* существовало в русском языке задолго до появления авиации. Издавна расска-

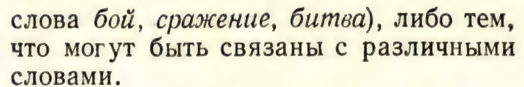
зываются сказки о „ковре-*самолете*“. *Самолетом* называли любое устройство, которому приписывалось быстрое движение, например паро́м на якоре посреди реки, у которого дно сделано откосом против течения, так что течение переносит его с одного берега на другой.

Читая в книгах о пароходах компании „*Самолет*“, ходивших по Волге еще в конце прошлого века, не следует удивляться, как эта компания могла предвидеть скорости современных самолетов. Это просто название распространенного в свое время вида паромов.

Слово *самолет* оказалось очень удачным названием для летательного аппарата тяжелее воздуха. Оно связано с существовавшим в народе представлением о ковре-*самолете* (наименование по сходству), оно как-будто и называет предмет по его признаку — летает.

Слово *аэроплан*, составленное из латинского корня *aer* (*а́эр*) — воздух — и французского (тоже по происхождению латинского) *planer* (*пляне́*) — медленно спускаться. Это слово еще в тридцатые годы нашего века употреблялось довольно часто. Поскольку между предметами, обозначенными этими словами, не было никакого различия, слово *аэроплан*, не очень понятное, почти перестало употребляться.

Таким образом, абсолютные синонимы крайне редки, обычно же синонимы отличаются либо стилистически, либо подчеркиванием в называемом ими предмете каких-то дополнительных признаков (сравним, например, между собою

слова *бой*, *сражение*, *битва*), либо тем, что могут быть связаны с различными словами.

Примером того, как синонимы в соответствии со своими оттенками значений разграничиваются по употреблению с определенными словами, могут быть слова *ходить* и *идти*. В словаре Владимира Ивановича Даля слово *ходить* объясняется как „двигаться с места, ступая ногами, либо бывать, где вхожу“ — *я хожу в дом*. В этом же словаре очень много примеров того, как можно „ходить без ног“. *Ходить* — значит и плыть: рыба *ходит*, *приходит* на нерест, по Волге *ходят* пароходы. У моряков можно даже *ходить по морю* (на корабле, разумеется). Может быть, поэтому водное, а не сухопутное средство передвижения было названо *пароход*.

Могут *ходить* тучи, машина; ходят, делают *ход* в шахматах. Это далеко не все значения, которые приобрел в нашем языке глагол *ходить*, но все они связаны с одним — с движением, причем движением, чаще всего осуществляемым самостоятельно, сознательно.

Слово *идти* по своему значению очень близко к слову *ходить*, хотя разница в том, что *ходить* в самом обычном, самом распространенном своем значении не предусматривает определенного, постоянного направления движения, а слово *идти* предусматривает.

Если человеку скажут: *Он ходит*, собеседник спросит: Где? Но если человек услышит: *Он идет*, то спросит либо: Куда? либо: Откуда?

Если *поезд ходит*, то между Киевом и Одессой, но *идет* он либо в Киев, либо в Одессу (из Киева, из Одессы). Поэтому после прибытия поезда и спрашивают: *Куда идет поезд*? и почти никогда не интересуются. *Куда ходит поезд*? Правда, говорят. *Куда ходят с этой станции поезда*? Но в этом вопросе очень легко почувствовать мысль, что поезда возвращаются, ходят туда и обратно, в том и обратном направлении либо в разных направлениях.

Идти, как и *ходить*, означает не только и не просто „двигаться при помощи ног". *Идти* — это также (еще раз прибегнем к помощи словаря Владимира Ивановича Даля) „двигаться в частях своих" (часы, механизмы, машина), „следовать, быть привозимому и отвозимому" (*лес идет на Урал*). Кстати, *лес* может *идти* и *на мебель* — тут уж совсем далеко отошло слово *идти* от своего первоначального значения.

Идти может означать также и длиться, течь. *Идут время, дождь, молва, слухи*. Слово *идти* может означать еще и налезать — *сапоги не идут*, т. е. не лезут на ноги. Может *идти пьеса* в театре. Может *идти, проходить день за днем*. Может *идти речь. Идет собрание*. Может *идти платье*. И можно просто сказать — *идет*! Это будет означать „хорошо", „согласен". Как видим, иногда можно употреблять и *ходить* и *идти*, в других случаях нельзя заменить одно слово другим.

Группа синонимов к одному слову составляет одно синонимическое гнездо. Одно

слово может входить в несколько синонимических гнезд. Близкие по значению слова могут оказаться синонимами в нескольких гнездах. С появлением в синонимическом гнезде новых слов значение других членов гнезда обычно сужается. Наоборот, отпадение одного из синонимов может привести к расширению значений других членов гнезда.

Расхождение синонимов

Интересные примеры того, как отбрасывались и разграничивались абсолютные первоначально синонимы, дает история русских слов, связанных с названием процессов книгопечатания. Печатание — перенесение под давлением изображения на какой-нибудь материал с зеркальной печатной формы — было известно очень давно. Правда, в русском языке слово *печать* происходит от корня, обозначающего „поддавать действию огня" (***пек*** — жечь, выжигать), первоначально обозначало клеймо, которое наши предки выжигали на принадлежавших им животных. Но царская и княжеская печати — тоже клейма — наносились уже путем давления перстня с печатью на поверхность документа.

Издавна были известны способы печати на тканях: на ткань укладывали смазанную краской печатную форму и по ней били, пока на куске ткани не оставалось, не отпечатывалось изображения. Это называли по характеру действия *выбивать*, и такая печатная ткань носила название *выбойки*.

Когда было изобретено книгопечатание, то для него в каждом языке весьма быстро появилось несколько названий. Русские отметили при назывании сходство процесса с тем, когда накладывают печать. У немцев закрепилось слово *druken* (*дрýкен*), которое раньше употреблялось для обозначения печатания на тканях и указывало на способ получения изображения — давить. У чехов появились слова *wytlachic* (вы́тлачиц), т. е. выбить и *wytisstien* (*вы́тистен*) — вытиснутый. Выжило второе.

Белорусский первопечатник просветитель Григорий Скорина, занимавшийся книгопечатанием в Праге, писал на пражских изданиях „*вытиснена книга*", но когда стал издавать книги на родине, употреблял старое слово, относившееся к печатанию на тканях — *выбита*.

На Украине, с которой русские книгопечатники были тесно связаны, употребляли и *печатать*, и *выбивать*, и *вытискивать*, и *друкувать*, которое пришло от поляков из немецкого, а позже даже *ваяти* и *разити*.

Поскольку книгопечатники разных народов были тесно связаны между собой, то происходило заимствование слов. Так, например, украинцы заимствовали у поляков взятое ими, в свою очередь, у немцев *drukówać* (*друкóваць*), а поляки, видимо, у украинцев взяли употреблявшееся одно время *wybiac* (*выбúяць*). Если просмотреть русские документы, то окажется, что у нас говорили не только *печатать*, *вытискивать*, а изредка и *друкузать*. Не сохранилось письмен-

ных свидетельств, но более чем вероятно, что говорили также *выбивать*. У украинцев и белорусов довольно часто употреблялось это слово.

Чужое нашему языку слово *друкувать* язык практически выбросил; только иногда, чтобы передать оттенок старины, говорим мы вместо печатник *друкарь*.

А значения слов *печатать* и *тискать* в речи работника типографии разделились. *Печатают* весь тираж книги или газеты, а *тискают* для пробы оттиск. Конечно, это профессионализм, но ярко показывающий разделение значений слов. Есть *печатный станок* и иной, *тискальный*. Но вот слово *оттиск* находится на полдороге между этими двумя значениями. *Оттиск*—это уже не проба, но его печатают в ограниченном количестве экземпляров. Правда, это не все издание, а только часть его. Получилось так, что слово *печатать* с появлением печатных машин связалось с механизированной печатью, а *тискать*—с ручным—тискальным станком, *печатать*—с готовой законченной продукцией, а *тискать*—с одной производственной операцией.

Что касается слова *выбивать*, то оно в значении „печатать“, если не говорить о текстильной промышленности, сохранилось разве только в бытовом выражении *выбить чек*.

Итак, если абсолютные синонимы не отмирают, то разграничиваются в значениях. Причем это разграничение может дойти до такой степени, что слова могут перестать быть синонимами.

Формирование синонимических гнезд

Многочисленные названия печатания, бытовавшие в русском языке, родились в разных местах и разным путем. Возникновение разных названий для одного и того же предмета и признака — не единственный путь появления синонимов. Синонимы могут рождаться и тогда, когда сближаются круги значений слов.

Приведем ряд синонимов: *бедный*, *неимущий*, *несостоятельный*, *нищий*, *убогий*, *скудный*. Посмотрим, в чем они синонимичны, как они составили одно гнездо.

Бедный от слова *беда. Беда* в давнее время означало „нужда", „принуждение". И теперь еще выражение *быть в беде* может означать почти то же самое, что и *быть в нужде*. В прошлом веке слова *беда* и *нужда* были синонимами. Однокоренные с ними слова *убеждать*, *победа*. Победить кого-нибудь означало принудить, понудить его к чему-либо. Разумеется, человек, находящийся в нужде, которого можно было принудить, не был человеком богатым. Это был *бедный* человек.

Неимущий. Тот, кто ничего не имеет.

Убогий — это лишенный богатства. Приставка ***у***- в давние времена означала отрицание. А корень здесь тот же, что в слове *богатство.*

Несостоятельный — не имеющий состояния, богатства. *Несостоятельный* — синоним и к *неимущему*, и к *бедному*, и к *убогому*.

Нищий, видимо, еще в индоевропейском языке означало „чужой“. Свой, естественно, за подаянием не приходил и, очевидно, слово *нищий* указывало на крайнюю бедность пришельца. Недаром ведь о тех, кто просил милостыню, говорили *нищий*, а значительно реже — *бедный*, но никогда не говорили *несостоятельный* и *неимущий*.

Итак, значения этих четырех разных слов в чем-то пересекались и это что-то определяет пределы, в которых эти слова стали синонимичными. Но выйдем за эти пределы.

Бедный может быть синонимом к слову *несчастный*. *Нищий* может быть синонимом к словам *бедный* и *убогий*, но не к слову *несчастный*.

Несостоятельный значит также „не имеющий сколько-нибудь серьезного значения“. В этом смысле оно не имеет синонимов среди названных выше слов.

Совершенно другой оттенок в слове *скудный*, т. е. „не щедрый“, но когда мы говорим *скудный урожай*, то в этом выражении слово *скудный* оказывается синонимом к слову *бедный*.

Как же определить пределы сходства синонимов? Словами, противоположными им по значению. Поскольку и к слову *бедный*, и к словам *нищий* и *неимущий*, и к словам *убогий* и *несостоятельный* противоположным по значению является слово *богатый* в одном и том же своем значении, постольку они синонимы.

Антонимы

Антонимы [от греческих слов *anti* (*áнти*) — против, *onoma* (*óнома*) — имя] обозначают понятия противоположные, противостоящие одно другому в нашем сознании. Не каждое слово может иметь антонимы. Нет антонимов у слов *стол*, *радиоприемник*, *кровать*, *парта*, *доска* и других названий предметов. Чаще всего имеют антонимы слова, обозначающие признаки, носящие качественный характер: *твердый — мягкий*, *герой — трус*, *глубина — высота*, *прийти — уйти*. Слова *уж* и *сокол* как названия предметов, разумеется, не антонимы, но, употребленные одно как символ геройства, как гордый призыв к свободе к свету, а другое как символ трусости и мещанства в „Песне о Соколе" М. Горького, они стали антонимами. Антонимами, таким образом, могут становиться слова при образном их употреблении. Но это антонимы стилистические.

Антонимы могут относиться либо только к одному из переносных значений слова (например, *зеленый — зрелый*), либо к целому ряду их значений (*твердый* грунт — *мягкий* грунт, *твердый* характер — *мягкий* характер).

Своеобразную роль сыграли антонимические отношения слов в рождении некоторых названий: *грузовой* автомобиль перевозит грузы, *легковой* же назван в противоположность грузовому; *правая сторона ткани* — видимо, неточный перевод английского *right* (*райт*) — „верный", т. е. та сторона, с которой следует носить, и „пра-

вый“, левая же (как говорят в просторечии) — не перевод английского *unright* (*áнрайт*) — „неверный“, а противоположная правой стороне.

Антонимия является очень важным средством художественного, образного описания событий, явлений. В произведениях многих писателей при сопоставлении двух разных героев авторы часто используют антонимы, чтобы ярче, более полно показать различия между этими героями. Вспомните, например, характеристику Онегина и Ленского, которую им дал А. С. Пушкин.

Они сошлись. *Вода* и *камень*.
Стихи и *проза*, *лед* и *пламень*
Не столь различны меж собой.

Здесь поэт использовал антонимы как средство художественного описания характеров героев романа. И сейчас многие поэты прибегают к антонимам при создании художественных произведений.

Омонимы

Омонимы (греческое *гомос* — одинаковый) — слова, одинаково звучащие, но имеющие разное значение.

Одной студентке надо было перевести на французский язык русское выражение *международная обстановка*. Как *международная* по-французски, она знала — *international* (*энтэрнасьонáль*). А *обстановка?* Девушка заглянула в словарь.

Против слова обстановка ей бросилось в глаза французское слово *ameublement* (*амебльма́н*). Она так и перевела: *ameublement international* (*амебльма́н энтэрнасьона́ль*).

Через несколько дней преподаватель спросил в группе: „Что значит *амебleман энтэрнасьональ*?“ — „Международная мебель. Эта фирма такая?“ — спрашивали студенты.

Девушку подвело наличие двух русских слов — омонимов. *Обстановка* — „положение“ — одно слово. Другое слово *обстановка* — „мебель в квартире“. А у французов для этих двух омонимов, естественно, слова, звучащие различно.

Существуют различные причины возникновения омонимов. Иногда это результат далекого расхождения между значениями когда-то — одного слова, когда ничего общего между этими значениями говорящие уже не находят (*месяц* — „период времени“ и *месяц* — „луна“), иногда это результат случайного совпадения, как в случае со словом *обстановка*.

Омонимы редко вызывают затруднения в понимании, так как чаще всего предметы и явления, называемые ими, не могут выступать в одинаковых условиях. Если же омонимы могут привести к путанице, один из них либо перестают употреблять, либо как-то изменяют его звучание.

Омонимия довольно часто используется при написании шуточных стихотворений, каламбуров.

Совсем недавно вышла для маленьких детей книжка Я. Козловского „О словах разнообраз-

ных — одинаковых, но разных“. В этой книжке автор поместил шуточные стихотворения, в которых широко использована омонимия. Приведем для примера два стихотворения из этой книжки.

КЛЮЧ

Потеряла Аленушка *ключ*.
На опушке искала — не *видно*.
Вдруг журчащий увидела *ключ*,
Да не этот ей нужно, как *видно*.

НА БЫКАХ

Мост стоит на *быках*,
И дорогой старой
Через речку на *быках*
Едет бабка с тарой.

Большим мастером каламбуров был поэт XIX в. Д. Минаев.

Термины

Термины — это слова науки и техники. К ним предъявляются особые требования. У них должно быть, по крайней мере, в пределах речи, относящейся к определенной области науки или техники, только одно значение, причем это значение должно быть строго и точно определено. Когда ребенок говорит *автомобиль* и имеет в виду только внешнюю

форму машины и что она движется, то по вкладываемому им в это слово значению оно не термин. Термином оно становится в устах инженера, который называет *автомобилем* средство наземного транспорта, снабженное двигателем внутреннего сгорания и передвигающееся по земле. Поэтому часто говорят, что термин — это не просто слово, а слово, употребляемое в особой функции.

Однако и это не всегда так. Выражение *прибавочная стоимость* существует только как термин, слово *верстать*, которое употребляется в типографиях, чтобы сказать „располагать набранный текст и иллюстрационные формы в полосы газеты или книги", существует только как термин, хотя происходит оно от старого слова *верстать*, имевшего значение „равнять", и, действительно, первоначально было только словом в особой функции. В первых книгах наборщик, набрав страницу, только равнял — *верстал* ее. Позднее, а особенно когда начали выпускать большие газеты, которые надо было делать очень быстро, много наборщиков набирали части текста, а специальный работник — его назвали *верстальщик* — устанавливал страницы, *верстал*, но теперь он уже не только равнял страницы, а распределял по ним текст.

Действие сохранило старое название.

Одни термины называют научные и технические понятия, другие — предметы, с которыми понятия не связаны. У машины тысячи деталей, каждая из них имеет название или хотя бы номер,

но, разумеется, это название не выражает никакого понятия. В современной языковедческой науке принято различать терминологию — слова, выражающие четко определенные понятия, и номенклатуру — слова-указания на предметы, признаки и проч., относящиеся к определенной сфере.

Как мы уже говорили, термины возникают по-разному. Ученый часто открывает новое явление, создает соответствующее понятие и называющее его слово. До К. Маркса не было ни понятия, ни выражения *прибавочная стоимость*, хотя само это явление, разумеется, существовало. Открытие явления и создание обозначающего его слова или группы слов очень характерны для современной науки и техники.

Есть много терминов, возникающих не вместе с понятием, а вместе с представлением. И если понятие отражает обычно то, что существенно в явлении с научной в данное время точки зрения, то представление более поверхностно. Оно выражает просто то, что в состоянии увидеть в предмете называющий. Слова, возникающие вместе с представлением, вроде названия ручки печатного станка *кука* от слова, обозначающего в русских диалектах „ладонь", характерны для ремесленно-промысловой терминологии, для номенклатуры.

Многие термины появляются путем заимствования. Это и понятно, так как развитие науки и техники никогда не ограничивается рамками одной страны. Много среди терминов интерна-

ционализмов, построенных на латинских и греческих корнях.

Нужно, чтобы термин был однозначен и обозначал точно определенное понятие. Но термин — все-таки слово. Слова характеризуются стремлением к многозначности — полисемии, да и как точно ни определяй понятие, каждый привносит что-то свое в его понимание. Поэтому сейчас особое внимание уделяется терминологии, создаются терминологические словари. Ими занимаются специальные комиссии и комитеты. Чем выше культура наших специалистов и чем лучше при выработке терминологии будут учитываться законы логики и языка, тем больший порядок будет в русской научной и технической терминологии.

Система словарного состава и жизнь слова

Как мы видели, система словарного состава языка находится в постоянном движении. Одни слова умирают, другие рождаются. Синонимы сближаются и расходятся, что приводит к сужению или расширению их значений, к смерти некоторых слов. Антонимические отношения также влияют на значения слов, а иногда рождают новые слова. Круг значений слова расширяется настолько, что нет больше связи между отдельными значениями и возникают омонимы. В некоторых случаях омонимы умирают, так как их существование приводит к путанице.

Эти изменения в судьбе слов и в их значениях уже не связаны непосредственно, а то и вовсе не связаны ни с представлениями, которые выражают слова, ни с признаками, на которые они указывают. Эти изменения рождаются в самом языке в процессе совершенствования системы его словарного состава.

Разумеется, изменения в системе словарного состава имеют в первоисточнике изменения в жизни народа — это появление названий для новых понятий и представлений; переход слов из одного стилистического пласта в другой — обычно из просторечия в нейтральные слова, а из нейтральных слов в поэтические, возвышенные; переход слов из диалектов и профессиональных говоров в общий язык; переход употребительных слов в неупотребительные и обратное явление.

Словарный состав языка наиболее быстро и непосредственно отражает все события в жизни, в истории народа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все особенности слова, о которых мы говорили, используются в живой речи, в художественной литературе. Художественная метафора и метонимия не были бы возможны, если бы слово не обладало многозначностью, если бы, обозначая предмет, оно не обозначало бы и различные его признаки, не становилось бы представителем этих признаков.

Слова, принадлежащие к разным категориям словарного состава, по-разному используются. Архаизмы придают речи оттенок торжественности или переносят нас в старину; диалектизмы и профессионализмы, иногда жаргонизмы, в речи героя рассказывают о его характере, воспитании, среде, из которой он вышел, культурном уровне.

Синонимы очень часто используются в художественной и научной литературе. Обычно

объясняют, что это делается для того, чтобы избежать нудного повторения одних и тех же слов, но это не совсем полное объяснение. Каждый синоним подчеркивает какой-то свой оттенок значения, и потому часто приводят подряд несколько синонимов (синонимическая лесенка), чтобы подчеркнуть все необходимые оттенки, либо же употребляют каждый раз единственно нужное слово, т. е. тот синоним, который подчеркивает самую важную в данный момент черту описываемого.

Антонимы часто употребляются рядом, когда хотят подчеркнуть противопоставление или указать пределы какого-нибудь утверждения, границы, а иногда безграничность действия. Во фразе из песни: *Я опущусь на дно морское, я поднимусь за облака* — *дно морское* и *облака* выступают как антонимы и подчеркивают беспредельный размах действий героя.

Чувство слова, культура слова позволяют нам говорить наиболее четко и понятно, передавать свои мысли ясно.

Бывает, что люди хорошо мыслят, хотя и плохо владеют языком.

Это не о тех, кто говорит: *понимаю, но сказать не могу*. Такие, если, конечно, они мыслят на том языке, на котором говорят, мыслят плохо, точнее: мыслят плохо о том, о чем не могут сказать. Их слова: *понимаю, но сказать не могу* — говорят скорее о моменте рождения их мысли, ее оформлении. Но если мысль уже оформилась, то с помощью имеющихся средств языка люди могут найти

слова для ее обозначения, хотя и не очень точно совпадающие с тем, что они имеют в виду.

„Хорошо мыслят, хотя и плохо владеют языком“ — это о людях, которые говорят плохо, так как нам трудно понять сказанное или написанное ими. Таких немало. Дело, видимо, в том, что в своей жизненной практике такие люди устанавливают между словами, как и между предметами, которые ими обозначены, „свои“, им одним ясные связи. Они приписывают словам „свои“ значения, дают им новые, „свои“ круги значений, отличные от общенародных. У них получается своего рода особый язык.

Это говорит о низкой языковой культуре таких людей. Они не знают как следует родного языка. А это, конечно, плохо. Плохо потому, что их понимают с трудом, да и сами они не могут уловить всех тонкостей мыслей других, понять их.

Чем выше общий культурный уровень нашего народа, тем выше и культура языка. Но нельзя полностью овладеть всеми возможностями языка, не зная его природы, особенностей его развития.

УКАЗАТЕЛЬ

слов русского языка, о которых рассказано в книге

Последняя страница книги прочитана. Закончен небольшой рассказ о жизни слова. Очень краткие истории слов помогли нам разобраться в тех процессах, которые происходят в языке. В книге было рассказано об отдельных словах и группах слов. И вот теперь в конце книги мы помещаем небольшой указатель. В нем собраны те слова, о которых рассказано в этой книге. Этот указатель поможет читателю быстрее найти слово, если нужно узнать именно об этом слове, о его происхождении, о том, что с ним произошло. Против слова указаны страницы, на которых об этом слове рассказано или упомянуто.

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

У

СОДЕРЖАНИЕ

Жизнь слова

Мартен Давидович Феллер

Как рождаются и живут слова

Редактор *Г. В. Карпюк*
Художник *В. И. Гинуков*
Художественный редактор *М.Л. Фрам*
Технический редактов *Т. В. Павлова*
Корректор *Т. М. Графовская*

Сдано в набор 28/I 1964 г. Подписано к печати 17/IX 1964 г. $70 \times 108^1/_{32}$. Печ. л. 12,25 (8,57) Уч.-изд. л. 6,92. Тираж 141 тыс. экз. (Тем. пл. 1964 г. №321)

* * *

Издательство „Просвещение"
Государственного комитета
Совета Министров РСФСР
по печати

Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Главполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров СССР по печати. Москва, Ж-54, Валовая, 28. Заказ № 1609.

Цена 17 коп.

17 коп.